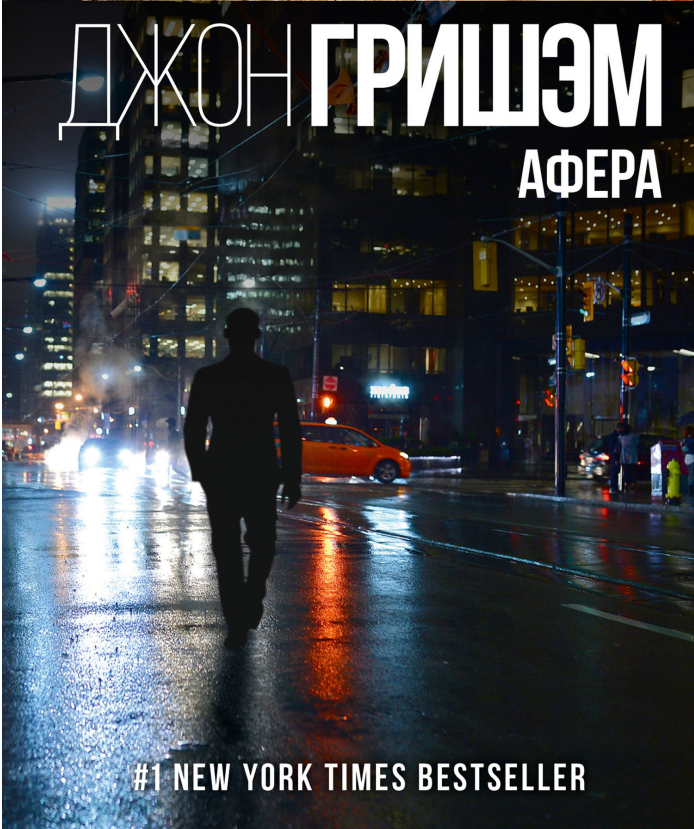

ДЖОН ГРИШЭМ

АФЕРА

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм Афера

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36964500
Афера : [роман] / Джон Гришэм: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109308-2*

Аннотация

Студенты частной юридической школы «Фогги-Боттом» Марк, Тодд и Зола мечтали изменить мир к лучшему... а стали жертвами аферы владеющего этой школой фонда. Оказалось, фонд заинтересован лишь в том, чтобы опутать будущих адвокатов сетью огромных долгов по кредитам за обучение.

Однако Марк, Тодд и Зола не намерены опускать руки. Они собираются использовать все полученные в школе знания и любые юридические лазейки, чтобы противостоять фонду.

А если закон окажется на стороне могущественных мошенников – что ж, значит, придется действовать не вполне законными методами...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	90
Глава 8	98
Глава 9	110
Глава 10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джон Гришэм

Афера

John Grisham

THE ROOSTER BAR

Печатается с разрешения литературных агентств The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

© Belfry Holdings, Inc., 2017

© Перевод. И.Я. Доронина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

В конце года, как всегда, наступили праздничные каникулы, хотя в доме Фрейзеров радоваться особо было нечему. Миссис Фрейзер по обыкновению украсила маленькую елочку, упаковала в красивую бумагу кое-какие дешевенькие подарки, испекла домашнее печенье, которое на самом деле никому не было нужно, и, возясь на кухне, весело подпевала, как обычно, без остановки льющемуся из стереопроектора «Щелкунчику», как будто праздник *и впрямь* был веселым.

Дела обстояли как угодно, только не весело. Мистер Фрейзер ушел из дома тремя годами раньше, и если о нем здесь вспоминали, то только с презрением. Сразу после своего ухода он съехался со своей молодой секретаршей, которая, как выяснилось, уже была беременна. Миссис Фрейзер, брошенная, униженная, надломленная, подавленная, тем не менее не сдавалась.

Луи, ее младший сын, находился под домашним арестом, был в некотором роде освобожден под залог, однако предстоящий год сулил ему большие неприятности, поскольку над ним висело обвинение в торговле наркотиками и кое-что еще. Он даже и не подумал купить матери что-нибудь в подарок. Оправдывался тем, что не может покинуть дом из-за электронного браслета, который носил на лодыжке по распо-

ряжению суда. Но если бы и не имелось никакого браслета, никто не ждал, что Луи затруднит себя покупкой подарков. И в прошлом, и в позапрошлом году лодыжки его были свободны, однако он не обременил себя хождением по магазинам.

Старший сын, Марк, приехал домой отдохнуть от тягот своей юридической школы и, хоть был еще беднее брата, изловчился все же купить матери духи. В мае ему предстояло закончить обучение, в июле – сдать экзамен на право заниматься адвокатской практикой, а в сентябре приступить к работе в некой юридической фирме округа Колумбия, что – так уж вышло – совпадало со временем, когда дело Луи должно было рассматриваться в суде. Впрочем, едва ли суд мог что-нибудь изменить – по двум основательным причинам. Во-первых, агенты, работавшие под прикрытием, поймали его с поличным в момент продажи десяти пакетиков крэка¹ – это даже было снято на видео – и во-вторых, ни Луи, ни его мать не могли позволить себе нанять хорошего адвоката, который сумел бы его вытащить. На протяжении всех каникул и Луи, и миссис Фрейзер намекали Марку, что он должен броситься на бескорыстную защиту брата. Разве так уж трудно потянуть время до того момента, когда Марк получит право заниматься адвокатской практикой – он ведь уже одной ногой в юридической фирме, – а получив лицензию, разве не сможет он с легкостью найти юридические формальности, о ко-

¹ Крэк – кристаллическая форма кокаина. – (Здесь и далее прим. перев.)

торых столько пишут, чтобы добиться снятия обвинений?

В этих фантастических упованиях зияли большие бреши, но Марк отказывался даже обсуждать их. Когда в новогодний день стало очевидно, что Луи собирается проваляться на диване по меньшей мере часов десять, наблюдая за семьёю подряд футбольными матчами, Марк тихо выскользнул из дому и отправится к другу. Возвращаясь в тот вечер домой, он, будучи подшофе, принял решение сбежать. Лучше он вернется в Ди-Си² и подделает что-нибудь в юридической фирме, куда вскоре должен быть принят на работу. До начала занятий оставалось еще две недели, но, наслушавшись за десять дней проклятий и стонов Луи по поводу его проблем, не говоря уж о неумолчном «Щелкунчике», Марк был сыт по горло и с нетерпением ждал начала своего последнего семестра в юридической школе.

Он поставил будильник на восемь часов и за утренним кофе объяснил матери, что должен вернуться в Ди-Си. «Мне очень жаль, мама, уезжать раньше времени и оставлять тебя здесь наедине с твоим непутевым сыном, но иначе я поступить не могу, – заявил он. – Я ему не помощник. У меня своих проблем по горло».

Первой его проблемой был автомобиль, «Форд Бронко», на котором он ездил еще со старших классов школы. Одометр в нем застыл на отметке 187 000 миль, и это случи-

² Ди-Си (англ. District of Columbia, сокращенно D.C.) – официальное название столицы США Вашингтона.

лось давно, в середине его курса обучения. Машине отчаянно требовался новый бензонасос, и это был лишь один пункт в его аварийном списке. С помощью скотча и скрепок Марк в течение последних двух лет кое-как поддерживал в худо-бедно рабочем состоянии мотор, трансмиссию и тормоза, но с бензонасосом была беда. Он работал, но с очень низкой мощностью, так что максимальная скорость «Бронко» на ровной дороге составляла сорок девять миль. Чтобы не быть раздавленным на скоростном шоссе какой-нибудь восемнадцатиколесной фурой, Марк держался проселочных дорог сельского Делавэра и Восточного побережья.

Это давало ему дополнительное время обдумать другие свои проблемы. Проблемой номер два являлся державший его за горло студенческий долг. Колледж он окончил с шестьюдесятью тысячами кредита, взятого на обучение, и полным отсутствием работы. Его отец, который к тому времени был, судя по всему, счастливо женат, но тоже весь в долгах, остерегал его от продолжения учебы. Он говорил: «Черт, парень, четыре года учебы – и шестьдесят штук долга. Кончай с этим делом, пока совсем не погряз». Но полагаться на финансовые советы отца было глупо, поэтому Марк поработал два года там-сям – разносил пиццу, стоял за барной стойкой, – одновременно торгуясь со своими кредиторами. Теперь, оглядываясь назад, он не мог припомнить, в какой момент у него возникла мысль о поступлении в юридическую школу, зато хорошо помнил подслушанный им раз-

говор между двумя ребятами из одного студенческого братства, сидевшими за его стойкой, неслабо выпивавшими и обсуждавшими при этом важные вопросы. Народу в баре было не много, и после четвертой рюмки водки, которую они запивали клюквенным морсом, парни говорили достаточно громко, чтобы их мог услышать любой. Наряду с другими интересными вещами, о которых они толковали, были две, Марку хорошо запомнившиеся: «Крупные юридические фирмы Ди-Си как сумасшедшие скупают студентов-юристов на корню» и «Начальная ставка у них – сто пятьдесят тысяч в год».

Вскоре после этого он столкнулся с приятелем по колледжу, который учился на первом курсе юридической школы Фогги-Боттом³ и собирался в ускоренном темпе, за два с половиной года, пройти курс обучения, чтобы поступить в какую-нибудь крупную фирму на работу с высоким окладом. Федералы раздают студенческие ссуды направо и налево, любой может получить ее, и, хоть и окончит Школу с огромным долгом, наверняка сможет отдать его в течение пяти лет. Приятель Марка, по крайней мере, считал, что есть неоспоримый смысл «вложиться в себя», залезши в долги, потому что это гарантирует большие заработки в будущем.

Марк заглотил приманку и начал готовиться к вступительным экзаменам в юридическую школу. Количество на-

³ Foggy Bottom (англ.) – «Туманное дно», старое название одного из районов г. Вашингтона (в прошлом – болотистая местность), где позднее были размещены государственные учреждения, в том числе Госдепартамент. В разговорной речи – шутовское название Государственного департамента США.

бранных им баллов не было впечатляющим – 146, но это ничуть не смутило приемную комиссию юридической школы Фогги-Боттом. Равно как и его довольно жидкое резюме с весьма скромным средним баллом 2,8. ЮШФБ приняла его с распростертыми объятиями. Его заявка на ссуду была быстро одобрена. Каждый год шестьдесят пять тысяч просто переводили из Министерства образования на счет ЮШФБ. Но теперь, когда впереди у него остался всего один семестр, Марк без малейшего оптимизма смотрел на свои перспективы, имея в общей сложности – после колледжа и юридической школы, учитывая сумму ссуды и проценты, – двести шестьдесят шесть тысяч долга.

Еще одной проблемой была работа. На самом деле рынок труда в этой сфере оказался отнюдь не таким емким, как представлялось по слухам. Не был он и таким динамичным, как утверждалось в приукрашивающих реальность брошюрах ЮШФБ и на ее почти жульническом сайте. Выпускники ведущих юридических школ еще могли найти работу с завидной зарплатой. Но Фогги-Боттом к ведущим школам не принадлежала. Марку удалось втереться в фирму среднего уровня, специализировавшуюся на «взаимодействии с органами государственной власти», что попросту говоря означало лоббирование. Первоначальный оклад ему не назначили, поскольку административный совет должен был собраться только в начале января, чтобы рассмотреть финансовые итоги предыдущего года и утрясти предполагаемую сетку за-

работной платы на будущий. Через несколько месяцев Марку предстоял важный разговор с его «кредитным консультантом» о реструктуризации студенческого долга и о том, как вообще разгрести этот завал. Его консультант уже выразила озабоченность тем, что Марк не знает, сколько будет получать. Марка это тоже тревожило, особенно учитывая тот факт, что он не доверял ни одному человеку, с которым встречался в фирме. Как ни старался себя обманывать, в глубине души он знал, что его положение очень ненадежно.

Отдельной проблемой был экзамен на адвокатскую практику. Из-за избыточного предложения требования к экзаменуемым в Ди-Си были одни из самых высоких в стране, а выпускники Фогги-Боттом бомбардировали экзаменационную комиссию в огромных количествах. Опять же, ведущие юридические школы не знали забот. В предыдущем году 91 процент выпускников Джорджтаунского университета получил проходной балл. Процент сдавших экзамен выпускников Университета Джорджа Вашингтона составил 89 процентов. А выпускников Ф-Б – жалкие 56. Чтобы выдержать экзамен, Марку надо было начинать готовиться уже сейчас, с первых чисел января, и корпеть над учебниками без передышки следующие полгода.

Но у Марка не было сил, особенно в эти холодные, ужасные, гнетущие зимние дни. Временами долг давил на него, как огромный шлакоблок, привязанный к спине. Ему было трудно ходить, улыбаться. Он жил в нищете, и будущее, да-

же с учетом предстоявшей работы, представлялось тусклым. А ведь ему еще повезло. У большинства его однокашников имелись долги, но не было работы. Оглядываясь назад, он слышал ропот, раздававшийся уже в первом семестре, и с каждым последующим семестром атмосфера в Школе становилась все безрадостней, а подозрения все мрачнее. Положение на рынке занятости усугублялось. Результаты адвокатских экзаменов приводили в замешательство всех в ЮШФБ. Долги накапливались. Сейчас, на третьем, последнем году обучения, не редкостью стало услышать, как студенты ссорятся с преподавателями в аудитории. Декан практически не выходил из своего кабинета. Блогеры поносили Школу и откровенно задавали неприятные вопросы: «Не надувательство ли это?», «Нас облапошили?», «Куда ушли деньги?».

Все, кого Марк знал, в разной степени были уверены, что:

- 1) преподавание в ЮШФБ ведется на неудовлетворительном уровне;
- 2) Школа раздает слишком много необоснованных обещаний и
- 3) гребет слишком много денег;
- 4) стимулирует студентов влезать в непомерные долги, между тем как
- 5) принимает большое количество бездарных абитуриентов, которым на самом деле не место в юридической школе и которые
- 6) либо не имеют достаточной подготовки для экзамена на адвокатскую практику, либо
- 7) слишком тупы, чтобы сдать его.

Ходили слухи, что количество желающих поступить в ЮШФБ снизилось на 50 процентов. Без государственной

поддержки и частных пожертвований такой спад приведет к неминуемому болезненному сокращению расходов, и плохая юридическая школа будет становиться только хуже. Марка Фрейзера и его однокурсников это уже не затронет. Они как-нибудь переживут следующие четыре месяца и благополучно покинут Школу, чтобы никогда в нее не возвращаться.

Марк жил в пятиэтажном многоквартирном доме, построенном восемьдесят лет тому назад и разрушающемся на глазах, но арендная плата здесь была низкой, и это привлекало студентов из Университета Джорджа Вашингтона и ЮШФБ. В начале своего существования здание было известно под названием Дом Купера, но спустя тридцать лет службы на износ проживавшей здесь студенческой братии за ним закрепилась кличка Курятник. Поскольку лифт по обыкновению не работал, Марк поднялся на четвертый этаж по лестнице и вошел в свою тесную, скудно обставленную квартирку площадью в пятьсот квадратных футов, за которую платил 800 долларов в месяц. По какой-то причине перед каникулами, сдав последний экзамен, он сделал уборку и теперь, включив свет, порадовался тому, что в квартире царил порядок. Да и что бы могло его нарушить? Владелец этой трущобы никогда тут не появлялся. Марк разобрал сумки, и его вдруг поразила тишина. Обычно, когда студенты-квартиросъемщики были на месте, при здешних тонких стенах в доме всегда стояли шум и гам. Стереопроигрыватели, телевизоры, споры,

розыгрыши, покерные баталии, драки, упражнения на гитаре и даже на тромбоне, на котором играл какой-то ботан с пятого этажа, – все это грозило обрушить здание. Но не сегодня. Жильцы разъехались по домам, наслаждаясь каникулами, и здание тонуло в непривычной тишине.

Через полчаса Марку это наскучило, и он вышел из дома. Пройдя по Нью-Хэмпшир-авеню навстречу ветру, проникавшему сквозь его тонкую флисовую куртку и брюки цвета хаки, он почему-то решил повернуть на Двадцать первую и остановился перед своей юридической школой посмотреть, открыта ли она. В городе, не испытывавшем недостатка в безобразных современных зданиях, ЮШФБ умудрилась все же выделиться своим уродством. Это была послевоенная постройка, украшенная восемью рядами кричаще желтой кирпичной кладки, изображавшей нечто вроде асимметричных крыльев, – плод самовыражения некоего архитектора-неудачника. Предположительно когда-то это было офисное здание, но многие внутренние стены в нем порушили, чтобы создать тесные лекционные аудитории на четырех нижних этажах. На пятом находилась библиотека – крольчатник, состоявший из больших, отделанных под старину комнат, набитых книгами, к которым редко прикасались, и копиями портретов неизвестных судей и ученых-юристов. Кабинеты преподавательского состава располагались на шестом и седьмом этажах, а на восьмом, как можно дальше от студентов, обитала администрация, причем декан был на-

дежно упрятан в самом дальнем кабинете, который редко от-
важивался покидать.

Входная дверь была не заперта, и Марк вошел в пустой
вестибюль. Наслаждаясь теплом, он отметил, что помеще-
ние, как всегда, производило гнетущее впечатление. Одну
стену занимала информационная доска, пестревшая разного
рода извещениями, уведомлениями и предложениями. Было
здесь несколько постеров, лживо рекламирующих возмож-
ности обучения за рубежом, и обычный набор рукописных
объявлений о продаже книг, велосипедов, билетов, курсов
лекций, а также предложений почасового репетиторства и
квартир, сдающихся в аренду. Адвокатский экзамен навис-
ал над школой, как грозовая туча, и на доске было вывеше-
но несколько плакатов, восхваляющих достоинства тех или
иных дополнительных углубленных курсов. Если очень по-
стараться, можно было найти здесь и несколько предлагае-
мых вакансий, но их в Ф-Б год от года становилось все мень-
ше. В одном углу Марк увидел знакомую старую брошюру,
заманивающую молодых людей брать ссуды на обучение. В
дальнем конце вестибюля стояли торговые автоматы и на-
ходился маленький бар с кофе-машиной, однако сейчас, во
время каникул, кофе там не варили.

Марк рухнул в обшарпанное кожаное кресло, проникаясь
унылостью своей школы. Была ли это действительно школа
или просто очередная фабрика по производству дипломов?
Ответ становился очевидным. Марк уже тысячу раз пожалел,

что когда-то переступил этот порог ничего не подозревавшим первокурсником. Теперь, почти три года спустя, он оказался обременен долгами, не имея ни малейшего представления, как их выплатить. Если и был какой-то свет в конце тоннеля, то он его не видел.

И кому только пришло в голову назвать школу «Туманным дном»? Будто сам опыт учебы в ней не был достаточно мрачным, какая-то светлая душа лет двадцать тому назад наградила ее именем, которое заранее несло в себе еще бóльшую безотрадность. Тот деятель, уже почивший, продал Школу каким-то инвесторам с Уолл-стрит, владевшим сетью юридических школ и, по слухам, получавшим неплохие доходы, но подарившим миру очень мало талантливых юристов.

Как можно покупать и продавать юридические школы? Это до сих пор оставалось загадкой.

Услышав голоса, Марк поспешно покинул здание. Прогулявшись от Нью-Хэмпшир до Дюпон-сёркл, он нырнул в книжный магазин Крамера, чтобы выпить кофе и немного согреться. Он повсюду ходил пешком. Его «Бронко» слишком часто вихлял и глох посреди городского потока машин, поэтому он держал его на стоянке позади Курятника, даже не вынимая ключа из замка зажигания. К сожалению, пока никто на него не позарился.

Согревшись, он, лавируя в толпе, прошагал шесть кварталов на север по Коннектикут-авеню. Юридическая фирма

«Несс Скелтон» занимала несколько этажей в современном здании неподалеку от Хинкли-Хилтон. Предыдущим летом Марку удалось всеми правдами и неправдами внедриться в нее, получив место стажера с зарплатой меньше минимальной. В крупных фирмах летние программы стажировки использовались, чтобы завлечь лучших студентов. Многого от них не требовали. У стажеров было до смешного свободное расписание, их снабжали билетами на бейсбольные матчи и приглашениями на изысканные вечеринки, устраивавшиеся богатыми партнерами на роскошных задних лужайках их домов. Соблазненные всем этим, молодые люди подписывали согласие и после выпускных экзаменов сразу попадали в мясорубку сточасовой рабочей недели.

В «Несс Скелтон» все было по-другому. Имея в штате всего пятьдесят юристов, фирма не входила в первую десятку. Ее клиентами являлись профессиональные объединения – Форум производителей сои, Союз почтовиков-пенсионеров, Совет поставщиков говядины и баранины, Ассоциация асфальтовых подрядчиков, Объединение инженеров-железнодорожников инвалидов производства – и ряд военных подрядчиков, жаждущих урвать свою часть пирога. Штат экспертов фирмы, если таковой существовал, поддерживал связи с Конгрессом. Ее летняя программа стажировок имела целью эксплуатацию дешевого труда, а не привлечение лучших студентов. Марк трудился усердно, страдая от оупляющей работы. В конце лета, получив предложение, которое не

очень определенно сулило работу в фирме после сдачи адвокатского экзамена, он не знал, радоваться или плакать. Однако он ухватился за это предложение – тем более что других не было – и гордился тем, что стал одним из немногих студентов ЮШФБ с будущим. Всю осень Марк мягко наседал на своего наставника, пытаясь выяснить, какие условия ему собираются предложить, но ничего не добился. Могло произойти слияние фирм. Могло – разделение. Много чего могло случиться, но трудовой договор не входил в число этих вероятностей.

Поэтому Марк околачивался в фирме просто так. По будням во второй половине дня, по субботам и во время каникул, когда нечего было делать, он заявлялся туда, всегда с широкой фальшивой улыбкой на губах, демонстрируя горячее желание тут же приняться за дело и выполнить любую черную работу. Не факт, что это могло благотворно сказаться на его будущей карьере, но и вреда, по его соображениям, принести не могло.

Его наставника звали Рендалл, он работал в фирме десять лет и вот-вот должен был быть произведен в партнеры, от чего чувствовал себя под тяжелым прессом. В «Несс Скелтон» сотруднику, не сумевшему стать партнером после десяти лет службы, тихо указывали на дверь. Рендалл был выпускником юридического факультета Университета Джорджа Вашингтона, который, по городской иерархии, стоял ниже Джорджтаунского, но на несколько пунктов выше Фогги-Ботом.

Иерархия была четкой и строгой, а ее наиболее злостными нарушителями являлись юристы из Университета Джорджа Вашингтона. Их самолюбие страдало от того, что джорджтаунская братия смотрела на них сверху вниз, и, отыгрываясь, они с еще большим презрением взирали на выпускников ЮШФБ. Вся фирма была разделена на группировки, в ней царил дух снобизма, и Марк зачастую недоумевал, какого черта его туда занесло. В «Несс Скелтон» работали два питомца ЮШФБ, но они так старались дистанцироваться от своей Школы, что Марку и руки не подавали. Они, казалось, игнорировали его откровенней, чем все остальные. Марк, случалось, бормотал: «Как можно так руководить фирмой?» Но потом понял, что в любой профессии существуют разные статусные уровни. Он был слишком озабочен собственной шкурой, чтобы волноваться из-за того, где учились остальные здешние мошенники. У него своих забот хватало.

Он написал Рендаллу по электронной почте, что свободен и готов выполнять любую нудную работу, какая для него найдется. Рендалл ответил коротким: «Так скоро вернулся?»

Да, Рендалл. Интересно, а как ты провел каникулы? Буду рад повидаться.

– Да надоела мне вся эта праздничная хрень. Что интересного происходит тут? – спросил Марк при встрече.

– У нас два секретаря слегли с гриппом, – поведал Рендалл и, указав на стопку документов высотой в фут, добавил: – Мне нужно распечатать это в четырнадцати экземпля-

рах, разложить и скрепить каждый степлером.

Понятно. Опять в копировальную, подумал Марк, но сказал так, будто ему не терпелось приступить к выполнению задания:

– Конечно!

Он отволокло документы вниз, в полуподвал, в темницу, набитую копировальными аппаратами. Следующие три часа он провел, делая бессмысленную работу, за которую ему никто не собирался платить.

Сейчас он почти скучал по Луи с его ножным электронным браслетом.

Глава 2

Так же, как Марка, Тодда Лусеро вдохновили на то, чтобы стать юристом, хмельные разговоры, которые он подслушал в баре. Последние три года он смешивал коктейли в «Старой рыжей кошке» – поилке, косившей под паб, любимом месте встречи студентов из Университета Джорджа Вашингтона и Фогги-Боттом. Окончив колледж в Государственном университете Фростбурга, он покинул Балтимор и переехал в Ди-Си, надеясь сделать там карьеру. Не преуспев в своих надеждах, он нанялся в «Старую рыжую кошку» на неполный рабочий день и вскоре обнаружил, что ему нравится наполнять кружки пивом и смешивать крепкие напитки. Он полюбил атмосферу паба и проявил дар завязывать задушевные разговоры с серьезными выпивохами и утихомиривать буйных. Тодд стал в баре всеобщим любимцем и был на «ты» с сотнями его завсегдатаев.

Много раз за минувшие два с половиной года он подумывал о том, чтобы бросить юридическую школу и воплотить свою мечту – открыть собственный бар. Однако его отец был решительно против: мистер Лусеро служил полицейским в Балтиморе и всегда побуждал сына получить высшее образование. Но одно дело побуждать, другое – платить. Таким образом, Тодд попался в ту же ловушку: без труда получил ссуду и вручил ее алчным ребятам из ЮШФБ.

С Марком Фрейзером он познакомился в первый же день, когда, еще не сориентировавшись, оба были мечтателями, рисовавшими в воображении карьеру крупных юристов с большими окладами, и вместе с тремястами пятьюдесятью другими студентами отличались невероятной наивностью. Тодд поклялся уйти после первого курса, но отец поднял шум. Из-за своей привязанности к бару Тодд не имел времени обивать пороги и суетиться в поисках летней стажировки. Он поклялся уйти из Школы после второго курса и оборвать процесс накопления долга, но его консультант по кредитам решительно отсоветовал это делать. Пока он учится в Школе, ему не грозит жесткое требование возврата долга, поэтому есть смысл продолжить заем, чтобы окончить Школу и найти денежное местечко, которое – теоретически – позволит ему в конце концов погасить все долги. Однако теперь, когда впереди оставался всего один семестр, он уже прекрасно понимал, что таких «местечек» не существует.

Лучше бы он занял эти сто девяносто пять тысяч в банке и открыл собственный бар. Теперь он бы уже печатал деньги и наслаждался жизнью.

Марк вошел в «Старую рыжую кошку» вскоре после наступления темноты и занял свое любимое место в конце стойки. Они с Тоддом стукнулись кулаками, и Марк сказал:

- Рад видеть тебя, приятель.
- Я тоже, – ответил Тодд, пуская другу по стойке запотев-

шую кружку светлого пива. С высоты своего здешнего положения он мог бесплатно угостить любого, кто ему нравился, и Марк годами ничего не платил.

Поскольку студенты разъехались на каникулы, в «Кошке» было немногочленно. Опершись на локоть, Тодд спросил:

– Ну, что собираешься делать?

– Да вот, провел сегодня полдня в старой доброй «Несс Скелтон», копировал и раскладывал в подвале бумаги, которые никто никогда не прочтет. Очередная глупая работа. На меня даже средний персонал смотрит снисходительно. Ненавижу это место, а ведь меня еще туда даже не приняли.

– Договора все еще нет?

– Никакого, и перспективы с каждым днем становятся все более туманными.

Тодд сделал глоток из своей кружки, спрятанной под стойкой. Даже с учетом его положения пить на работе не разрешалось, но хозяина сейчас не было.

– Ну, а как прошло Рождество в доме Фрейзеров? – спросил он.

– Хо-хо-хо. Я провел там десять тоскливых дней и сбежал ко всем чертям. А что у тебя?

– Три дня, а потом долг повелел мне вернуться на работу. Как там Луи?

– По-прежнему в статусе обвиняемого, по-прежнему в ожидании реального заключения. Наверное, я должен был бы ему сочувствовать, но желание пропадает, когда я вижу,

как он дрыхнет полдня, а вторую половину валяется на диване, смотрит «Судью Джуди»⁴ и проклиная свой ножной браслет. Бедная мама.

– Ты слишком строг к нему.

– Недостаточно строг. В этом вся беда. С Луи никто никогда не был строг. В тринадцатилетнем возрасте его поймали с травкой, но он свалил все на своего друга, а родители, разумеется, сразу бросились на его защиту. Его ни разу не привлекали к ответственности. До сегодняшнего дня.

– Облом, парень. Представить себе не могу, каково это – иметь брата-заключенного.

– Да уж, передрыга. Я и хотел бы ему помочь, но ничего не могу сделать.

– Про твоего папашу я уж и не спрашиваю.

– А я его и не видел, и от него ни слуху ни духу, даже открытки не прислал. Ему пятьдесят – и он гордый папочка трехлетнего малыша, так что, полагаю, изображает Санта-Клауса. Выложил под елку кучу игрушек и улыбается, как идиот, глядя, как дитя визжит от радости, спускаясь по лестнице. Крыса!

Двое студентов вошли в бар, и Тодд отошел обслужить их. Марк достал телефон и проверил сообщения.

Когда Тодд вернулся, он спросил:

– Ты уже видел кого-нибудь из наших?

⁴ Остросюжетное реалити-шоу с участием женщины-судьи, оказавшей огромное влияние на американскую систему правосудия.

– Нет. Кому нужно раньше времени возвращаться? Мы же все – отличники.

Слово «отличник» в Фогги-Боттом считалось шуткой. Требование было таково, чтобы все выпускники оканчивали Школу с блистательными резюме, поэтому преподаватели раздавали высокие баллы направо и налево, как дешевые конфетки. Из Фогги-Боттом никогда никого не отчисляли. Это, разумеется, порождало атмосферу безразличного отношения к учебе, которая, в свою очередь, лишала студентов ЮШФБ всех шансов в дальнейшей конкуренции. Посредственные студенты становились еще более посредственными. Не удивительно, что адвокатский экзамен был для них таким испытанием.

– Ну, а уж от наших супервысокооплачиваемых профессоров тем более не следует ожидать, что они будут во время каникул принимать экзамены, правда?

Тодд снова хлебнул из своей потайной кружки, наклонился еще ближе к Марку и произнес:

– У нас есть проблема посерьезней.

– Горди?

– Горди.

– Этого я и боялся. Я писал ему эсэмэски и пытался дозвониться, но у него выключен телефон. Что происходит?

– Все плохо, – сообщил Тодд. – Очевидно, он поехал на Рождество домой и все время потратил на ссоры с Брендой. Она хочет пышного венчания в церкви с тысячей пригла-

шенных. А Горди вообще жениться не желает. У ее матери есть много чего сказать. А его мать с ее матерью не разговаривает, и все вот-вот взорвется.

– Они же собирались играть свадьбу пятнадцатого мая, Тодд. И насколько я помню, мы с тобой согласились быть шаферами.

– На это не рассчитывай. Он уже вернулся и не пьет своих лекарств. Зола сегодня заходила и рассказала.

– Какие лекарства?

– Это долгая история.

– Какие лекарства?!

– У него биполярное расстройство, Марк. Диагностировали еще несколько лет тому назад.

– Ты ведь шутишь, да?

– Стал бы я шутить на эту тему. У него биполярное расстройство, и Зола говорит, что он перестал принимать лекарства.

– Почему он ничего нам не сказал?

– На этот вопрос я тебе ответить не могу.

Качая головой, Марк некоторое время медленно пил пиво. Потом поинтересовался:

– Значит, Зола тоже вернулась?

– Да, наверное, они с Горди сбежали на несколько дней раньше, чтобы поразвлечься, хотя не думаю, что им так уж весело. Зола думает, что он прекратил пить лекарства с месяц назад, когда мы готовились к сессии. Горди то начина-

ет психовать и лезет на стенку, то, выпив текилы и покурив травки, впадает в ступор. Несет всякую ахинею, говорит, что хочет бросить Школу и сбежать на Ямайку, с Золой, конечно. Она боится, что он может сделать какую-нибудь глупость и повредить себе.

– Так Горди ее *уже* сделал. Был помолвлен со своей подругой еще со школы, с настоящей красоткой, у которой еще и деньги есть, а теперь завел шуры-муры с африканской девчонкой, у которой родители и братья, говорят, живут в стране без иммиграционных документов. Конечно же, парень – дурак.

– Горди в беде, Марк. Он катится в пропасть вот уже несколько недель и нуждается в нашей помощи.

Марк отодвинул от себя пивную кружку, но только на несколько дюймов, и сцепил руки на затылке.

– Мало нам своих забот, – заметил он. – Чем же мы можем ему помочь?

– Это ты мне скажи. Зола старается не спускать с него глаз и хочет, чтобы мы пришли к нему сегодня вечером.

Марк расхохотался и приложился к кружке.

– Что тут смешного? – спросил Тодд.

– Ничего, но ты можешь вообразить, какой скандал поднимется в Мартинсбурге, Восточная Виргиния, если туда просочится известие, что Гордон Таннер, чей отец – настоятель церкви и чья невеста – дочь преуспевающего врача, съехал с катушек, бросил учебу и сбежал на Ямайку с мусуль-

манкой африканского происхождения?

– Не вижу ничего смешного.

– А ты представь. Это же умора. – Но смех его вдруг оборвался. – Слушай, Тодд, мы не можем заставить его принимать лекарства. Если только попробуем – он нас вытолкает из дому пинками под зад.

– Ему нужна наша помощь, Марк. Я сегодня освобожусь в девять, и мы пойдем к нему.

Мужчина в хорошем костюме сел за стойку, и Тодд отошел принять у него заказ. Марк допил свое пиво и погрузился в еще более глубокое уныние.

Глава 3

За три года до рождения Золы Маал ее родители бежали из Сенегала. Они поселились в иоганнесбургских трущобах с двумя малолетними сыновьями и перебивались самой черной работой: скребли полы и копали канавы. Через два года они накопили денег, чтобы заплатить посредникам, в жутких условиях переправлявших людей в Америку на борту либерийского грузового судна, и вместе с дюжиной других сенегальцев очутились в Майами. Когда они нелегально выгрузились на берег, их встретил чей-то дядя и отвез к себе домой в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где они жили в двухкомнатной квартире в здании, набитом сенегальцами, ни у одного из которых не было грин-карты⁵.

Через год после их прибытия в США в университетской больнице Ньюарка родилась Зола, которая автоматически стала американской гражданкой. Пока родители работали на двух-трех работах каждый, получая менее чем минимальную оплату, причем всё – наличными, Зола и ее братья учились в школе и постепенно ассимилировались. Как ревностные мусульмане, они отправляли все обряды своей религии, хотя

⁵ Грин-карта – идентификационная карта, подтверждающая наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином, но постоянно проживающего на территории США, и предоставляющая право трудоустройства на территории этой страны.

Зола уже в раннем возрасте обнаружила тягу к западному образу жизни. Отец ее был человеком строгим и требовал, чтобы они переходили с родных языков, волоф и французского, на английский. Мальчики легко усвоили новый язык и помогали с ним родителям.

Семья часто переезжала с места на место, кочуя по Нью-Йорку из одной тесной квартирki в другую, хотя каждая следующая была чуть-чуть просторней предыдущей, но неизменно в окружении других сенегальцев, которые – все до единого – жили в постоянном страхе депортации. Однако чувство сплоченности давало им ощущение безопасности – во всяком случае, они в это верили. Каждый стук в дверь вызывал короткий приступ паники. Главной установкой было – избегать неприятностей, и Зола с братьями научились уклоняться от всего, что могло привлечь к ним нежелательное внимание. Даже при том, что у самой Золы документы были в порядке, она ясно понимала, что ее семья в опасности, и жила в страхе, что родителей и братьев могут арестовать и выслать обратно в Сенегал.

В пятнадцатилетнем возрасте она нашла первую работу – мыть тарелки в закусочной, разумеется, за наличные, и, конечно же, очень небольшие. Ее братья тоже работали, и вся семья жестко экономила, стараясь скопить сколько можно.

Когда Зола не работала, она училась. Легко окончила школу с хорошими оценками и поступила в местный колледж на вечернее отделение, без отрыва от работы. Неболь-

шая стипендия впоследствии позволила ей перейти на дневное отделение, и параллельно Зола начала работать в библиотеке колледжа. Но мыть тарелки и убирать в домах она не перестала – помогала матери, а также подрабатывала почасовой няней в семьях друзей, которым с работой повезло больше. Ее самый старший брат женился на американке, которая не была мусульманкой, и хотя это расчищало ему путь к гражданству, с родителями возникли серьезные трения. Потом брат с женой переехали в Калифорнию и начали новую жизнь.

Когда Золе исполнилось двадцать, она поступила в Государственный университет Монклер. В общежитии она соседствовала с двумя американками, которые тоже были стеснены в средствах. В качестве специальности она выбрала бухгалтерское дело, потому что обожала числа и имела склонность к работе в области финансов. Когда позволяло время, она усердно занималась, но необходимость поспевать на две, а то и три работы мешала учебе. Соседки по комнате приобщили ее к своей тусовке, и выяснилось, что к этому у нее тоже есть склонность. Хотя Зола продолжала придерживаться строгого мусульманского запрета на алкоголь и действительно не любила вкуса какого бы то ни было спиртного, к другим соблазнам она оказалась более восприимчива – прежде всего к модной одежде и сексу. Росту в ней было почти шесть футов, и ей часто говорили, как потрясающе она выглядит в плотно облегающих джинсах. Ее первый ухажер благополуч-

но обучил ее всему, что касается секса. Второй познакомил с так называемыми веселящими наркотиками. К концу первого года обучения она молча, но решительно стала считать себя непрактикующей мусульманкой, хотя родители об этом понятия не имели.

К тому же у ее родителей вскоре возникли более серьезные проблемы. Когда Зола училась на последнем курсе, во время осеннего семестра арестовали ее отца, и две недели он провел в заключении, пока не удалось организовать залог. В то время он работал на подрядчика-маляра, тоже сенегальца, но с выправленными документами. Вероятно, тот получил подряд на покраску интерьера крупного офисного комплекса в Ньюарке, занизив цену по сравнению с минимумом, установленным профсоюзом маляров, и профсоюз уведомил иммиграционную службу, что он использует нелегалов в качестве рабочей силы. Это само по себе было достаточно серьезно, но кроме того, утверждалось, что на складе недостает некоторых материалов, и отца Золы вместе с еще несколькими не имевшими документов рабочими подозревали в крупной краже. Они получили повестки с требованием явиться в иммиграционный суд, а также им предъявили уголовное обвинение.

Зола наняла адвоката, утверждавшего, что он специализируется именно на этих вопросах, и семье пришлось выложить за его услуги 9000 долларов – практически все ее сбережения. Адвокат был чрезвычайно занят и редко откликался

на их телефонные звонки. Пока родители и брат Зола прятались по всему Ньюарку, Зола осталась разбираться с адвокатом. Она начала презирать этого человека, пустозвона и любителя сгустить краски, и охотно избавилась бы от него, если бы не выплаченный аванс. На другого адвоката денег не осталось. Когда он не явился на слушания, судья отстранил его от дела. Золе в конце концов удалось добиться, чтобы назначили бесплатного адвоката, и уголовное обвинение было снято. Однако угроза депортации никуда не делась. Процесс тянулся так долго и отнимал у нее столько сил и времени, что в конце концов начала страдать ее успеваемость. Несколько раз посидев в зале суда и понаблюдав за ходом слушаний, Зола убедила себя, что все адвокаты либо ленивы, либо глупы и она сама сможет справиться с делом лучше, чем они.

Так Зола стала жертвой того же мошенничества, уверовав, что легкие федеральные деньги позволяют каждому окончить юридическую школу, и предприняла первые шаги на этом пути, которые привели ее в Фогги-Боттом. Теперь, дойдя до середины последнего курса, она оказалась в таких долгах, каких даже представить себе не могла. Родители и ее неженатый брат Бо по-прежнему жили под угрозой депортации, хотя их дела застряли где-то в самых дальних коридорах иммиграционных судов.

Зола жила на Тридцать третьей улице, в здании, может, не настолько обветшалом, как Курятник, но во многих отноше-

ниях похожем на него. Оно было забито студентами, теснившимися в крохотных, нищенски обставленных квартирках. В начале третьего курса она познакомилась с Гордоном Таннером, красивым, атлетически сложенным блондином, обитавшим в квартире прямо напротив. События развивались быстро, и у них начался злополучный роман, вскоре приведший к разговорам о совместной жизни – разумеется, в целях экономии. Но в конце концов Гордон отказался от этой идеи, поскольку Бренда, его очаровательная невеста-землячка, обожавшая большие города, часто его навещала.

Балансирование между двумя женщинами оказалось чрезмерным испытанием для Горди. С Брендой он был помолвлен практически всю жизнь и теперь отчаянно хотел избежать брака. С Золой были связаны совсем другие проблемы: он не мог убедить себя, что у него хватит смелости сбежать с чернокожей девушкой и распрощаться с семьей и друзьями. Если прибавить к этому скудный – если вообще существующий – рынок труда, удушающие долги и перспективу провалить адвокатский экзамен, то неудивительно, что Горди потерял контроль над собой. Пятью годами раньше ему поставили диагноз: биполярное расстройство. Лекарства и психотерапия хорошо помогали, и если не считать одного пугающего эпизода, случившегося во время учебы в колледже, жизнь Горди можно было назвать вполне нормальной. Все изменилось в период, предшествовавший Дню благодарения, на третий год учебы в Фогги-Боттом, когда он пе-

рестал принимать лекарства. Золу шокировали скачки его настроения, и в конце концов она потребовала объяснений. Он сознался в своем диагнозе и снова начал пить таблетки. Недели на две резкие колебания настроения прошли.

Оба сдали сессию и разъехались по домам на каникулы, хотя ни он, ни она ехать не хотели. Горди решил окончательно выяснить отношения с Брендой и расстроить свадьбу. Зола не хотела проводить каникулы с семьей. Несмотря на все неприятности, отец не преминул бы обрушить на ее голову назидательные тирады по поводу греховного западнического поведения.

Неделю спустя оба они снова оказались в округе Колумбия; Горди был по-прежнему помолвлен, и 15 мая ему по-прежнему предстояла свадьба. Он снова отказался от лекарств и вел себя непредсказуемо. В течение двух дней не выходил из спальни, спал по многу часов подряд, потом сидел, уткнувшись подбородком в колени и уставившись в стену. Зола время от времени приходила к нему, не зная, что делать. Потом Горди исчез на три дня, сообщив ей в эсэмэске, будто он едет на поезде в Нью-Йорк, чтобы «побеседовать кое с какими людьми». Якобы он напал на след крупного заговора и должен многое сделать. Зола спала в своей спальне, когда он ворвался к ней в четыре утра, на ходу срывая с себя одежду и сгорая от вожделения. Позднее в тот же день он исчез снова, отправившись в погоню за некими плохими парнями, чтобы «собрать на них компромат». Вернулся он

в том же маниакальном состоянии и часами просиживал за своим ноутбуком. Ей он велел не заходить к нему, потому что у него очень много работы.

В конце концов, напуганная и измученная, Зола явилась в «Рыжую кошку» и все рассказала Тодду.

Глава 4

Зола встретила их на крыльце дома и повела по лестнице вверх, в свою квартиру на втором этаже. Когда они вошли, она закрыла дверь и поблагодарила за то, что они откликнулись на ее просьбу. Девушка была сильно встревожена, почти не помнила себя от ужаса.

– Где он? – поинтересовался Марк.

– Там. – Зола кивнула в сторону коридора. – Он не пускает меня к себе и сам не выходит. Не думаю, чтобы он много спал в последние два дня. У него все время меняется настроение, сейчас он бросается на стены.

– И не принимает лекарств? – спросил Тодд.

– Судя по всему, нет, во всяком случае, не те, что из аптеки. Подозреваю, что он занимается самолечением.

Они переглянулись, каждый ожидал каких-нибудь действий от другого. Наконец Марк сказал:

– Пошли.

Они пересекли коридор, и Марк постучал в дверь.

– Горди, это Марк. Мы тут с Тоддом и Золой, хотим поговорить с тобой.

Тишина. Где-то тихим фоном звучала песня в исполнении Спрингстина.

Марк постучал снова и еще раз повторил просьбу впустить их. Музыка стихла. Кто-то оттолкнул стул или табу-

ретку, та перевернулась и упала. Снова наступила тишина, потом щелкнул замок. Прошло несколько секунд, Марк открыл дверь.

Горди стоял посередине тесной комнаты в одних старых желтых спортивных трусах команды «Редскинз», тех самых, которые они видели на нем сто раз. Уставившись в стену, Горди не обращал на них никакого внимания; они вошли. Располагавшийся слева кухонный уголок был завален пустыми бутылками из-под спиртного и пивными банками – они громоздились в раковине и на стойке. Пол был усеян бумажными стаканчиками, использованными салфетками и обертками от сэндвичей. На маленьком обеденном столе справа возвышались разнокалиберные стопки бумаг, окружавшие ноутбук и принтер. Пол под ним сплошь покрывали бумаги, файлы и разрозненные статьи, вырванные из журналов. Диван, телевизор, раскладное кресло и журнальный столик были плотно сдвинуты в один угол, словно хозяин хотел, чтобы ничто не загораживало стену.

Вся стена в соответствии с каким-то безумным замыслом была облеплена листами ватмана и десятками листов плотной и папиросной бумаги – это держалось на разноцветных кнопках или скотче. Видимо, Горди с помощью черного, синего и красного маркеров составлял нечто вроде гигантского корпоративного пазла⁶, на котором вырисовывался какой-то

⁶ Гигантский пазл с изображением логотипа фирмы, который в качестве развлечения совместно собирают на корпоративах работники этой фирмы.

великий заговор, ведущий к нескольким зловещим мужским лицам, располагавшимся вверху.

На эти лица и смотрел Горди. Он был бледен и изможден, сильно похудел; ничего этого Марк и Тодд не замечали в нем еще несколько недель назад, во время сессии. Горди всегда был отличным спортсменом, обожал гимнастику, но теперь от его накачанных мускулов не осталось и следа. Его светлые густые волосы, всегда бывшие предметом его особой гордости, засалились – их явно не мыли много дней. Окинув взглядом самого Горди и кавардак, творившийся в его комнате, они сразу же поняли, что их друг перешел через край. Перед ними стоял безумный художник, замкнувшийся в себе, неменяемый, погруженный в работу над каким-то гигантским полотном.

– Чему обязан? – спросил Горди, оборачиваясь и глядя на них. Глаза у него запали, щеки ввалились, лицо обросло недельной щетиной.

– Надо поговорить, – ответил Марк.

– Да, надо, – согласился он. – И говорить буду я, потому что мне есть что сказать. Теперь я все понял. Я засек этих мерзавцев, и действовать нужно быстро.

– Хорошо, Горди, – робко сказал Тодд. – Мы пришли, чтобы выслушать тебя. Что случилось?

Горди указал на диван и спокойно предложил:

– Садитесь, пожалуйста.

– Я лучше постою, Горди, если ты ничего не имеешь про-

тив, — отозвался Марк.

— Нет! — рявкнул тот. — Имею. Делайте, что я говорю, и все будет в порядке. Итак, садитесь. — Он неожиданно сердито оскалился и, казалось, был готов броситься в драку. Ни Марк, ни Тодд в драке не выстояли бы против Горди и десяти секунд. За годы учебы им довелось дважды видеть его в деле, и оба раза он очень быстро отправил противников в нокаут.

Тодд и Зола опустились на диван, а Марк подтянул себе табуретку из кухонного уголка. Все трое недоверчиво уставились на стену. Там красовалась какая-то запутанная схема с разлетающимися во все стороны стрелками, названиями компаний, фирм, именами и цифрами, соединенными десятками разноцветных линий. Как дети, только что получившие нагоняй, они сидели смирно, сосредоточенно глядя на стену, и ждали.

Горди подошел к обеденному столу, на котором стояла наполовину опустошенная литровая бутылка текилы, налил себе в любимую кофейную чашку и стал пить глотками, как чай.

— Ты сильно похудел, Горди, — произнес Марк.

— Не заметил. Ничего, наберу. Мы собрались не для того, чтобы обсуждать мой вес. — Продолжая потягивать из чашки и даже не думая угощать друзей, он подошел к стене и указал на фотографии, располагавшиеся вверху: — Это — Великий Сатана. Зовут его Хиндс Рэкли, бывший юрисконсульт с Уолл-стрит, превратившийся в мошенника-инвестора и зара-

ботавший пока только четыре миллиарда, что в наши дни едва ли обеспечивает ему место в списке Форбс. Мелкий миллиардер; тем не менее все при нем: дом на Пятой авеню с видом на парк, большие участки земли на Лонг-Айленде, яхта, парочка самолетов, жена-трофей – все как обычно. За плечами юридическая школа Гарварда, потом несколько лет – в крупной фирме. Там он не прижился и вместе с несколькими приятелями основал собственную фирму, сожрал несколько фирм помельче там-сям и теперь владеет четырьмя юридическими фирмами, или как минимум контролирует их. Как все миллиардеры, он весьма замкнут и тщательно оберегает свою частную жизнь от посторонних глаз. Действует под прикрытием множества разных компаний. Мне удалось выявить лишь несколько, но и этого достаточно.

Горди говорил, стоя лицом к стене, спиной к слушателям. Когда он подносил к губам чашку с текилой, на его торсе четко обозначались ребра – потеря в весе казалась катастрофической. Теперь он говорил спокойно, словно разворачивал цепь фактов, открывшихся ему одному.

– Его основное «средство продвижения» – «Шайло-Сквер Файненшиал», оператор частных инвестиций, который также химичит с финансируемыми выкупами⁷ и проблемны-

⁷ Финансируемый выкуп (*англ.* Leveraged Buy-Out, LBO) – вид деятельности компаний из сектора частных капиталовложений, при котором компания выкупается за счет заемных средств.

ми долгами⁸ и ведет прочие типичные для Уолл-стрит игры. «Шайло» владеет большим ломтем «Варанда Кэпитал» – насколько большим, мы не знаем, поскольку данные о них весьма скудны, и вообще все, что связано с этим типом, обманчиво, – а «Варанда» владеет большим куском «Бейтриум-групп». Как вы знаете, «Бейтриум» наряду со многими другими компаниями владеет нашей дорогой ЮШФБ. Ею и еще тремя другими юридическими школами. Однако вы не знаете, что этой «Варанде» принадлежит некий фонд «Лекер-стрит Траст», базирующийся в Чикаго, а «Лекер-стрит», в свою очередь, принадлежат четыре коммерческие юридические школы. То есть в общей сложности – восемь.

Справа на стене располагались большие квадраты с названиями «Шайло-Сквер Файненшиал», «Варанда Кэпитал» и «Бейтриум-групп». Под ними аккуратным рядком выстроились названия восьми юридических школ: Фогги-Боттом, Мидуэст Посейдон, Галф-Коуст, Гальвестон, Банкер-Хилл, Централ Аризона и Стейтен-Айленд. Под каждым названием стояли цифры и что-то было написано такими маленькими печатными буквами, что прочесть с другого конца комнаты не представлялось возможным.

⁸ Проблемные долги, или долги бедствующих компаний – долговые обязательства компаний, испытывающих финансовые затруднения; такие бумаги обычно обращаются на вторичном рынке по цене значительно ниже номинала, и некоторые инвесторы скупают их, рассчитывая на то, что в случае банкротства эмитента они получат если не номинал, то во всяком случае большую сумму, чем заплатят при покупке.

Горди подошел к столу, налил еще одну мерную дозу текилы, сделал глоток, вернулся к стене и стал лицом к слушателям.

– Рэкли начал собирать эти школы около десяти лет назад, постоянно, разумеется, прячась за своими многочисленными ширмами. В том, чтобы владеть юридической школой или колледжем, ничего незаконного нет, конечно, но он все равно предпочитает держать это в тайне. Полагаю, опасается, что кто-нибудь нападет на след его маленькой грязной схемы. Вот я и напал. – Он отпил еще глоток и уставился на них торжествующе сияющим взглядом. – В две тысячи шестом году светлые головы в Конгрессе решили, что любой Том, Дик и Харри должны иметь возможность существенно улучшить свою жизнь, продолжив образование. Поэтому светлые головы сказали, что любой, включая нас четверых, может занять столько денег, сколько требуется, чтобы получить диплом по той или иной профессии. Ссуды для всех, легкие деньги. На обучение, книги, даже на повседневные расходы, в любом количестве и, разумеется, под гарантии федерального правительства.

– Горди, это всем хорошо известно, – вклинился Марк.

– Благодарю, Марк. А теперь, если обещаешь сидеть тихо, я продолжу.

– Да, сэр.

– Однако не всем известно, что как только Рэкли завладел юридическими школами, всеми восемью, они начали

стремительно расширяться. В две тысячи пятом году Фогги-Боттом насчитывала четыреста студентов. Ко времени нашего поступления в две тысячи одиннадцатом численность их подскочила до тысячи и до сих пор остается на этом уровне. То же самое и в других школах – в каждой из них учатся в среднем по тысяче студентов. Школы покупали здания, нанимали всех недоделанных преподавателей, каких только могли найти, платили бешеные деньги административному составу, беря на службу людей с едва проходной квалификацией и, разумеется, бешено рекламируя себя. Почему? Это и есть то, что известно не всем: экономическая деятельность коммерческой юридической школы.

Сделав еще глоток, Горди перешел к правому краю стены, к листу ватмана, покрытому цифрами и вычислениями, и продолжил:

– Немного математики. Возьмем Фогги-Боттом. С каждого из нас стригут за обучение сорок пять тысяч в год, и все платят. Никаких стипендий и грантов – того, что предлагают настоящие школы, – здесь не существует. Итого сорок пять миллионов чистыми. Преподавателям платят около ста тысяч в год, что далеко от средних двухсот двадцати, которые получают педагоги в государственных школах, но все равно – золотое дно для тех клоунов, которые учат нас. Дипломированных юристов, ищущих работу, выпускают немерено, и они выстраиваются в бесконечную очередь соискателей – разумеется, лишь потому, что мечтают работать с нами, сту-

дентами. Наша школа любит хвастаться соотношением количества студентов и педагогов: десять к одному – можно подумать, что со всеми нами талантливые преподы занимаются в маленьких уютных классах, да? Помните курс по гражданскому законодательству в первом семестре? В аудиторию Стива-заики нас набивалось человек двести.

– Откуда ты разузнал про их жалованья? – перебил его Тодд.

– Поговорил с одним из них, навел справки. Он якобы читает административное право на третьем курсе, а мы его и в глаза не видели. Его выгнали два года назад за пьянство в рабочее время. Мы с ним вместе надрались, и он мне все рассказал. У меня есть свои источники, Тодд, и я знаю, что говорю.

– Ладно, ладно. Мне просто стало любопытно.

– Итак, в Фогги-Боттом числится около ста пятидесяти преподавателей, в лучшем случае на них уходит пятнадцать миллионов в год. – Горди указал на скопление цифр, которые издали сложно было разобрать. – Далее: администрация с верхнего этажа. Вы знали, что наш безграмотный декан получает восемьсот тысяч в год? Конечно, не знали. Декан Гарвардской юридической школы получает полмиллиона в год, но, с другой стороны, ему ведь не приходится поддерживать в рабочем состоянии конвейер по производству дипломов и следить за соблюдением баланса доходов и расходов. У нашего – прекрасное резюме, на бумаге смотрится отлично, он

хорошо говорит, если говорит хоть что-нибудь, и показал себя преданным умельцем создавать фасад этому рэкету. Рэкли хорошо платит своим деканам и ждет, что они станут хорошо продавать мечту. Накинем еще, скажем, миллиона три на прочие раздутые зарплаты, и можно с уверенностью сказать, что администрация ежегодно обходится школе в четыре миллиона. Хорошо, проявим щедрость: пусть будет пять миллионов. Таким образом, расходы составят двадцать миллионов. В прошлом году четыре миллиона ушло на содержание школы: здание, услуга и, конечно же, реклама. Почти два миллиона потрачено на то, чтобы заманить в ловушку еще больше одураченных душ, заставить их поступить в Ф-Б, начать занимать деньги и устремиться к блестящей адвокатской карьере. Это я знаю, потому что у меня есть друг – очень хороший хакер. Кое-что он раскопал, а кое-что – нет, и был очень впечатлен секретностью ведения дел в школе. Говорит, они прилагают неимоверные усилия, чтобы защитить свои файлы.

– Итого двадцать четыре миллиона, – сказал Марк.

– Быстро считаешь. Округлим сумму до двадцати пяти, и навар Великого Сатаны с нашей дорогой Фогги-Боттом составит двадцать миллионов. А теперь умножим эту цифру на восемь. От такой математики блевать хочется.

Горди харкнул на стену, медленно сделал очередной глоток и отошел на несколько шагов.

– Как вы думаете, каким образом Рэкли это удастся? –

спросил он. – Он продает мечту, а мы заглатываем наживку. Когда восемь его школ в одночасье расширились, они открыли двери всем, независимо от аттестата и результатов ВТЮВ⁹. Средний балл по тестам ВТЮВ для поступления в юридическую школу Джорджтауна, который, как мы знаем, является высококласным университетом, – сто шестьдесят пять. В университетах Лиги плюща еще выше. Мы не знаем, каков проходной балл для поступления в Фогги-Боттом, потому что это – военная тайна. Мой хакер не сумел проникнуть в файл. Но можно с уверенностью сказать, что этот балл сильно ниже ста пятидесяти, вероятно, ближе к ста сорока. Главный порок этой порочной системы состоит в том, что никакой результат ВТЮВ не является слишком низким для приема в Ф-Б. Эти дерьмовые юридические школы берут любого, кто смог получить федеральную ссуду, а, как уже было сказано, получить ее может *кто угодно*. АЮА¹⁰ и детский садик признает правомочным выдавать дипломы юристов. Не важно, насколько туп абитуриент, федеральное правительство выдаст ему ссуду, а наша школа примет его

⁹ Вступительный тест для юридических вузов (*англ.* LSAT, или Law School Admission Test) – стандартизированный тест, который проводится в специализированных центрах по всему миру и рассчитан на потенциальных поступающих в юридические вузы США.

¹⁰ Американская юридическая ассоциация (*англ.* The American Bar Association – ABA) – добровольная ассоциация юристов и студентов юридических школ, не обладающая особой юрисдикцией; одним из аспектов ее деятельности является установление академических стандартов для юридических школ.

в свои объятия. Не хотелось бы обидеть никого из присутствующих, но все мы знаем, сколько баллов набрали в свое время. Мы все были тогда слишком пьяны, чтобы говорить об этом, кроме Золы, конечно, у которой, кстати, был самый высокий балл из нас четверых. Так что дипломатично предположу, что средний балл в нашей маленькой группе равняется ста сорока пяти. Исходя из статистики, шанс сдать адвокатский экзамен со ста сорока пятью баллами равен примерно пятидесяти процентам. Никто не предупреждал нас об этом, когда мы поступали, потому что на нас им наплевать, единственное, чего они хотят, — деньги. Нас обманули в первый же день, когда мы переступили этот порог.

— Ты ломишься в открытую дверь, — заметил Марк.

— А это еще не все, — парировал Горди. Потом, словно забыв об их присутствии, повернулся лицом к стене и некоторое время изучал свою схему. Его слушатели снова переглянулись, в их взглядах сквозили понимание и страх. Речь Горди приводила в уныние, хотя была интересной, но гораздо больше они были озабочены состоянием здоровья своего друга.

Тот между тем продолжил:

— В эту передрагу мы попали потому, что увидели шанс воплотить мечту — мечту, которую не могли себе позволить. Никому из нас не была по чину юридическая школа, но мы оказались в ней по собственному недомыслию. Не по нам это место, однако нас обманом заставили поверить, будто мы со-

зданы для этой доходной профессии, сославшись на якобы необъятный рынок труда и твердо обещая работу. Вакансии, вакансии, вакансии, блестящие вакансии с жирными зарплатами! Действительность, однако, такова, что их не существует. В прошлом году крупные фирмы с Уолл-стрит самым талантливым студентам предлагали сто семьдесят пять тысяч в год. Здесь, в округе Колумбия, – около ста шестидесяти. Годами мы слышали об этих вакансиях и каким-то образом убедили сами себя, что одну из них сможет занять каждый из нас. Теперь нам известна правда, и заключается она в том, что имеется лишь перспектива работы с оплатой не выше пятидесяти тысяч, вроде той, что тебе, Марк, удалось найти, хотя тебе до сих пор не сообщили размер жалованья. Всё это – места в маленьких фирмах, где работа – на износ, а будущее туманно. Крупные фирмы платят сто шестьдесят плюс надбавки. А между ними – ничего нет. Ничего! Мы мучаемся на собеседованиях, стучимся во все двери, обшариваем Интернет, поэтому хорошо знаем, насколько безнадежно положение на рынке труда.

Они кивали, прежде всего – чтобы не раздражать его. Горди снова отпил глоток, перешел к левой стороне стены и указал на нее пальцем.

– А вот это – самая мерзкая часть, о которой вам ничего не известно. Рэкли владеет нью-йоркской фирмой под названием «Куинн и Вирдольяк» – вероятно, вы о ней слышали. Я – нет. В коммерческой сфере ее называют просто «Ку-

инн». Офисы – в шести городах, штат – около четырехсот юристов, в верхнюю сотню фирма не входит. Небольшой филиал есть и в округе Колумбия – тридцать юристов. – Горди указал на лист с размашисто написанным названием фирмы. – «Куинн» проводит главным образом финансовые операции, это их сточная канава. Она держит в руках множество дел о лишении права выкупа, о восстановлении в правах собственности, невыполнении денежных обязательств, банкротствах, выполняет коллекторские услуги – то есть все, что имеет отношение к просроченным долгам. Включая студенческие займы. «Куинн» хорошо платит, по крайней мере вначале. – Он ткнул пальцем в цветную рекламу – складывающуюся втрое брошюру, пришпиленную кнопками к стене в развернутом виде. – Я видел это четыре года назад, когда только подумывал поступать в Фогги-Боттом. Возможно, вы тоже. На ней вы видите улыбающееся лицо некоего Джарета Молсона, выпускника, который, как здесь сказано, был благополучно принят на работу в «Куинн» с начальной зарплатой сто двадцать пять тысяч долларов. Помню, я тогда подумал: ха, если Фогги-Боттом выпускает ребят, которые находят себе такую работу, тогда я тоже запишусь. И вот я нашел мистера Молсона, мы с ним выпили и побеседовали. Ему действительно предложили работу в «Куинн», но контракт не подписывали до сдачи им адвокатского экзамена. Он протрубил у них шесть лет и ушел – ушел, потому что его зарплата постоянно ползла *вниз*. Молсон сказал, что ру-

ководство каждый год изучало итоги работы и приходило к выводу, что расходы надо сокращать. За последний год он заработал чуть больше ста тысяч и послал фирму к черту. Он рассказал мне, что жил как бродяга, чтобы выплатить долг, а теперь продает недвижимость и еще подрабатывает таксистом. Эта фирма – настоящая соковыжималка, он этого не знал и попался под пресс пропагандистской машины Фогги-Боттом.

– И не он один, да? – вставил Тодд.

– О нет! Молсон был всего лишь одним из многих. У «Куинн» есть весьма лживый сайт, и я прочел биографии всех четырехсот их юристов. Тридцать процентов – выпускники школ Рэкли. Тридцать процентов! Таким образом, друзья мои, Рэкли нанимает этих ребят за отличные жалованья, а потом использует их улыбающиеся физиономии и истории их успеха в рекламных целях.

Горди сделал паузу, глотнул текилы и посмотрел на слушателей с самодовольной улыбкой, словно ожидал аплодисментов. Потом подошел ближе к стене и указал на черно-белую фотографию, приколотую поверх копирки и располагавшуюся прямо под портретом «Великого Сатаны», между двумя другими.

– Этот жулик – Алан Гринд, его контора базируется в Сиэтле, и он – компаньон-вкладчик «Варанды». Гринд владеет юридической фирмой, которая называется «Кинг и Росуэлл», – это еще один «субподрядчик», со штатом, насчиты-

вающим двести юристов в пяти городах, изначально в основном на западе. – Он указал на лист, прикрепленный слева от «Куинн и Вирдольтяк», на нем было крупно написано: «Кинг и Росуэлл». – Из двухсот юристов Гринда сорок пять окончили одну из восьми школ Рэкли.

Горди допил свою текилу, подошел к столу и снова наполнил чашку.

– Ты собираешься прикончить всю бутылку? – поинтересовался Марк.

– Только если мне этого захочется.

– Может, тебе притормозить?

– А может, ты не будешь соваться не в свое дело? Я не пьян, просто немного подшофе. И кто ты такой, чтобы контролировать, сколько я пью?

Марк тяжело вздохнул и оставил эту тему. Говорил Горди достаточно четко. Хотя в голове у него явно что-то заклинило. Несмотря на свой растрепанный вид, он, казалось, вполне владел собой, по крайней мере, в тот момент. Снова отступив к стене, он указал на следующую фотографию.

– Этот парень – Уолтер Болдуин, руководит в Чикаго юридической фирмой под названием «Спэнн и Тата» – триста юристов в семи городах от побережья до побережья. Работа та же, и та же любовь к выпускникам мелких юридических фирм. – Он указал на третью фотографию под портретом Рэкли. – И замыкает круг мистер Марвин Джокетти, старший партнер бруклинской юридической фирмы «Рэтлифф и

Костроув». Та же структура, та же бизнес-модель.

Горди снова приложился к текиле и с восхищением посмотрел на свою работу. Потом повернулся и обвел глазами тройку слушателей.

– Не вдаваясь в ненужные подробности того, что и так очевидно, скажу: у Рэкли под каблуком четыре юридические фирмы с одиннадцатью тысячами юристов в двадцати семи офисах по всей стране. По негласному соглашению они нанимают достаточное количество его выпускников, чтобы создать видимость их процветания и чтобы такие сосунки, как мы, рвались в его школы и приносили им кучу денег, отстегиваемых Конгрессом. – Голос его вдруг стал громким и звенящим. – Прекрасно! То, что надо! Великое жирное надувательство – и никакого риска. Если мы не выплатим свои долги, налогоплательщики раскошелятся. Рэкли присвоит доходы и взвалит на общество потери.

Внезапно он швырнул свою кофейную чашку об стену. Она отскочила от тонкого гипсокартона невредимой и показала по полу. Горди тяжело сполз по стене, сел и вытянул ноги. Подошвы его ступней были черными от глубоко въевшейся грязи.

Несколько секунд, пока в ушах отдавалось эхо удара, все трое не сводили глаз с Горди. Довольно долго в комнате царило молчание. Вперившись в стену, Марк переваривал услышанное. Не было никаких оснований сомневаться в достоверности изысканий Горди. Тодд тоже глазел на стену,

словно увлеченный участием в заговоре. Зола смотрела на Горди, размышляя, что с ним делать.

Наконец, почти шепотом, Горди произнес:

– Мой долг, включая нынешний семестр, составляет двести семьдесят шесть тысяч. А твой, Марк?

Эти четверо достаточно хорошо знали друг друга, чтобы не таиться.

– Учитывая этот семестр, двести семьдесят шесть тысяч, – ответил Марк.

– Тодд?

– Сто девяносто пять.

– Зола?

– Сто девяносто одна.

Горди покачал головой и рассмеялся, но не от веселья – от невозможности поверить в услышанное.

– Почти миллион. Кто, находясь в здравом уме, одолжит нам четверым миллион долларов?

В тот момент его риторический вопрос показался им абсурдным, даже забавным.

После очередного долгого молчания Горди сказал:

– У нас нет выхода. Нас заманили лживыми обещаниями, ввели в заблуждение, обжулили и засосали в эту убогую школу. Выхода нет.

Тодд медленно встал и подошел к стене. Указав в центр схемы, он спросил:

– Что такое «Заимодатели Сорванн»?

Горди издал притворный смешок и ответил:

– Заключительная часть истории. Рэкли, через еще одну компанию – а у этого парня «крыш» больше, чем у дешевого придорожного стрип-молла¹¹, – владеет «Сорванном», который в настоящее время является четвертым по величине частным ссудодателем для студентов. Если вы не можете получить достаточно наличных с правительства, вы идете к частникам, где – слушайте, слушайте! – процент выше, а коллекторы представляют собой мафию вроде дружины бойскаутов-волчат. «Сорванн» ссужает студентов последнего курса и имеет около девяноста миллионов в своем портфеле. Это растущая компания. Очевидно, что Рэкли почуял кровь и в частном секторе.

– А что такое «Пассант»? – поинтересовался Тодд.

Снова горький смешок. Горди медленно встал на ноги, подошел к столу, схватил бутылку и, запрокинув голову, долго пил, гримасничая и громко глотая, потом вытер губы тыльной стороной ладони и наконец сообщил:

– «Пассант» – еще одна долбаная шайка разбойников – по величине третья в стране коллекторская компания по выколачиванию студенческих долгов. Она работает по контракту с Министерством образования – «обслуживает», как они любят выражаться, студенческие долги. Речь идет о триллионе долларов, которые задолжали такие олухи, как мы с вами.

¹¹ Длинное одноэтажное здание, разделенное на секции, в которых размещаются магазины – чаще всего вдоль автодорог.

«Пассант» – это банда террористов, на нее много раз подавали в суд за недопустимые методы сбора долгов. Ее солидным куском Рэкли тоже владеет. Этот человек – само зло.

Горди подошел к дивану и сел рядом с Золой. Когда он проходил мимо Марка, тот уловил резкий запах его тела. Тодд проследовал в кухонный уголок, обходя мусор, валявшийся на полу, открыл холодильник и достал из него две банки пива. Одну передал Марку, и оба щелкнули замочками. Зола, не обращая внимания на запах, поглаживала Горди по ноге.

Кивнув на стену, Марк спросил:

– Как долго ты над этим работал?

– Это не важно. Если вы готовы слушать дальше, у этой истории есть продолжение.

– С меня достаточно, – заявил Марк. – По крайней мере, на сегодня. Как насчет того, чтобы пройтись за угол и съесть пиццу? «Марио» еще открыта.

– Отличная мысль, – подхватил Тодд, но никто не шелонулся.

Наконец Горди проговорил:

– Над моими родителями висит мой долг в девяносто тысяч, еще за колледж. Вы можете в это поверить? Они сомневались – и не без оснований – в том, что мне нужно продолжать учиться, но я сильно давил на них. Вот идиот! Отец зарабатывает пятьдесят тысяч в год, продавая оборудование для фермеров, и, кроме ипотеки, долгов у него не было, по-

ка я не начал заниматься. Мама работает в школе на полставки. Я им солгал, что у меня прекрасная работа, все в полном порядке и я справлюсь с возвратом долга. И Бренде я врал. Она думает, что мы станем жить в большом городе и я, в хорошем костюме, каждый день буду спешить на работу, чтобы пробиться наверх. Так что я прилично влип, ребята, и не вижу выхода.

– Прорвемся, Горди! – заверил Марк, но прозвучало это как-то неубедительно.

– Мы с этим справимся, – подхватил Тодд, не уточняя, что имеет в виду под «этим». Юридическую школу? Долги? Безработицу? Или нервный срыв Горди? Проблем было более чем достаточно.

И снова в комнате повисла долгая тревожная пауза. Марк и Тодд молча пили пиво.

– Как бы нам разоблачить Рэкли? – заговорил Горди. – Я подумал, не обратиться ли к какому-нибудь журналисту, одному из тех, которые пишут о юридической сфере в «Пост» или в «Джорнал». Подумывал даже о коллективном иске против этого мошенника, о тысячах молодых идиотов вроде нас, которые тоже оказались на этом тонущем корабле и с радостью выпустили бы снаряд по Рэкли, когда вскроется правда.

– Не вижу перспективы у такого иска, – откликнулся Марк. – Рэкли, конечно, состряпал блестящую мошенническую схему, но не сделал ничего такого, что преследуется

по закону. Нет закона, запрещающего владеть конвейером по производству дипломов, хотя он и старается изо всех сил держать в тайне свои деяния. Его юридические фирмы имеют полное право нанимать кого пожелают. Да, методы у них подлые, бесчестные, вероломные, только этого недостаточно для иска.

– Согласен, – сказал Тодд. – Но идея устроить журналистское расследование, чтобы огреть мерзавца по башке, мне нравится.

– А помните, в Калифорнии рассматривался иск студентки к своей юридической школе в связи с невозможностью найти работу? – спросила Зола.

– Да, таких исков было несколько, – ответил Марк, – и все они оказались отклонены, кроме калифорнийского. А там жюри присяжных вынесло вердикт в пользу юридической школы.

– А я бы не стал отказываться от идеи подать иск. Это лучший способ разоблачить Рэкли. Вы представляете, какой будет скандал?

– Развлечение, конечно, было бы знатным, но он ведь не дурак, – заметил Марк. – Недаром он владеет четырьмя юридическими фирмами, черт побери. Подумайте только, какую тяжелую артиллерию он обрушит на вас. На следующие пять лет истцы погрязнут в канцелярщине.

– Да что ты знаешь об исках? – сказал Горди.

– Все. Недаром все же меня учили в Фогги-Боттом.

– Ну, тогда я завершил изложение доводов.

Квелая шутливая пикировка увяла, все устали в пол.

Наконец Тодд произнес:

– Да ладно, Горди, пойдем лучше за пиццей.

– Я никуда идти не собираюсь, но думаю, что вам, ребята, пора уходить.

– Тогда мы тоже не пойдем, – заявил Марк. – Мы остаемся здесь.

– Зачем? Мне няньки не нужны. Выметайтесь.

Тодд, стоявший во время этого разговора, подошел к дивану и посмотрел на Горди сверху вниз.

– Давай поговорим о тебе, Горди. О тебе и твоём состоянии. Ты не спишь, не ешь, не моешься. Лекарства свои ты хоть принимаешь?

– Какие лекарства?

– Да будет тебе, Горди. Мы знаем, что происходит, – вступил Марк.

Горди повернулся к Золе и рявкнул:

– Что ты им сказала?

Зола открыла рот, чтобы ответить, но Тодд перебил ее:

– Ничего. Ничего она нам не говорила, но мы не слепые, Горди, и мы твои лучшие друзья. Тебе нужна помощь.

– Я не нуждаюсь ни в каких лекарствах, – огрызнулся Горди, вскочил на ноги, оттолкнул Тодда и направился в спальню. Дойдя до двери, он заорал: – Убирайтесь отсюда!

Все трое тяжело вздохнули и переглянулись. А через

несколько секунд дверь опять распахнулась, и Горди снова появился на пороге. Сграбастав бутылку с текилой, он повторил:

– Катитесь! Немедленно! – и снова исчез в спальне.

С минуту никто ничего не говорил. Зола встала, пересекла комнату и, приложив ухо к двери, прислушалась. Потом отошла и прошептала:

– Мне кажется, он плачет.

– Потрясающе, – так же шепотом отозвался Марк.

Прошла еще минута.

– Нельзя его так оставлять, – тихо произнес Тодд.

– Ни в коем случае, – согласился Марк. – Будем дежурить по очереди. Моя смена – первая, посижу тут, на диване.

– Я не уйду, – заявила Зола.

Марк обвел комнату взглядом и допил пиво, после чего негромко проговорил:

– Ладно, тебе – диван, мне – кресло. Тодд, ты будешь спать на диване у Золы. Через несколько часов поменяемся.

Тодд согласно кивнул:

– Хорошо, так будет правильно.

Он подошел к холодильнику, достал еще банку пива и вышел. Марк выключил свет и устроился в обшарпанном кожаном кресле. В нескольких футах от него, на диване, свернулась калачиком Зола.

– Ночь предстоит долгая, – прошептал Марк.

– Не надо разговаривать, – отозвалась девушка. – Стены

здесь тонкие, он может услышать.

– Хорошо.

Электронный циферблат на микроволновке испускал слабый голубоватый свет, который становился ярче по мере того, как глаза привыкали к темноте. В нем обозначались тени от стола, компьютера и принтера. Хотя никто не спал, в комнате стояла мертвая тишина. Ни звука не доносилось и из спальни. Откуда-то из вестибюля внизу слышалась тихая музыка. Минут через десять Марк вынул из кармана мобильник и проверил сообщения и электронную почту. Ничего существенного. Следующие десять минут показались часом, лежать в кресле становилось все более неудобно.

Марк уставился в стену. Он не мог разглядеть фотографию Хиндса Рэкли, но у него возникло такое ощущение, будто тот самодовольно взирает на него сверху вниз. Однако Рэкли с его великой тайной паутиной не волновал его. Он тревожился о Горди. Завтра их нелегкой задачей будет отвести друга к врачу.

Глава 5

В два часа ночи Тодд бесшумно прошмыгнул в квартиру Горди и обнаружил, что Марк и Зола спят. Он потряс Марка за плечо и прошептал:

– Моя очередь.

Марк встал, размял затекшие суставы и мышцы, пересек коридор и рухнул на диван в квартире Золы.

Перед рассветом Горди вылез из кровати, натянул джинсы, свитер, носки и джинсовую куртку. Держа в руках туристические ботинки, он подошел к двери и прислушался. Он знал, что ребята у него в гостиной, ждут, когда он зашевелится. Горди тихо открыл дверь и снова прислушался, потом сделал шаг, увидел их силуэты на диване и в кресле, услышал их глубокое дыхание и тихонько направился к выходу. В конце коридора он надел ботинки и выскользнул из дома.

Когда забрезжил рассвет, Зола проснулась и села. Заметив, что дверь в спальню открыта, она спрыгнула с дивана, зажгла свет и поняла, что Горди сбежал.

– Его здесь нет! – завопила она. – Он ушел!

Тодд выбрался из кресла и прошел в спальню – маленькое квадратное пространство, где негде было спрятаться. Он обшарил ванную, заглянул в уборную и воскликнул:

– Черт! Как он сумел?

– Просто встал и ушел, – ответила Зола.

Не в силах поверить в случившееся, они долго стояли, уставившись друг на друга, потом пошли сообщить новость Марку. Втроем они сбежали по лестнице и промчались по коридору первого этажа до черного хода. На парковке стоял десяток машин, но ни одна из них не принадлежала Горди. Его маленькой «Мазды», как они и опасались, на стоянке не было. Зола позвонила ему по мобильному – разумеется, телефон не отвечал. Они вернулись в дом, заперли обе квартиры и отправились в закусочную, располагавшуюся в трех кварталах дальше по улице, где, склонившись над чашками с кофе, попытались оценить обстановку.

– Найти его в городе будет невозможно, – сказал Марк.

– Тем более что он не хочет, чтобы его нашли, – подхватил Тодд.

– Может, позвонить в полицию? – предложила Зола.

– И что сказать? Наш друг сбежал и мы боимся, что он причинит себе вред? У копов есть дела поважнее – убийства и изнасилования, случившиеся за ночь.

– А как насчет его родителей? – спросил Тодд. – Возможно, они ни сном ни духом не ведают, в каком он состоянии.

Марк покачал головой:

– Нет, если мы это сделаем, Горди возненавидит нас на всю жизнь. А кроме того, что они могут предпринять? Броситься в большой город и начать искать его?

– Это так, но у Горди где-то есть врач, то ли здесь, то ли дома. Врач, который знает его, который его лечил, назначал

лекарства, который поймет, в каком он сейчас плохом состоянии. Который позаботится о Горди, раз мы его раздражаем, пока он не получает медицинской помощи.

– В этом есть смысл, – согласилась Зола. – А его врач здесь. Горди ходит к нему на прием раз в месяц.

– Ты знаешь его фамилию?

– Нет. Я пыталась выведать ее у Горди, но ничего не вышло.

– Ладно, – согласился Марк. – Но это потом, а пока нужно найти Горди.

Они пили кофе и сокрушались по поводу невозможности разыскать друга в большом городе. Официантка подошла к их столику и поинтересовалась насчет завтрака. Они отказались – ни у кого не было аппетита.

– Есть идеи? – спросил Марк, обращаясь к Золе.

Она отрицательно качнула головой:

– Толковых нет. За последнюю неделю он исчезал дважды. Первый раз сел в нью-йоркский поезд и отсутствовал три дня. Когда вернулся, особо ничего не рассказывал, сказал только, что шел по следу Великого Сатаны. Думаю, он с кем-то там, в Нью-Йорке, встречался. Потом день-другой оставался дома, большую часть времени мы были вместе. Он много пил и много спал. А потом я пришла с работы – а его опять нет. Два дня он не давал о себе знать. Это тогда он нашел того преподавателя, которого вышибли из Фогги-Боттом.

– Ты знала, чем он занимается? – спросил Тодд.

– Нет. Два дня тому назад он заперся в своей квартире и не хотел меня видеть. Наверное, именно тогда он сдвигал мебель и устраивал схему на стене.

– Насколько хорошо ты осведомлена о его состоянии? – поинтересовался Марк.

Зола глубоко вздохнула и, колебавшись, ответила:

– Только все это между нами, ребята, понимаете? Он заставил меня поклясться, что я никому не скажу.

– Да ладно тебе, Зола, конечно, между нами, мы же заодно.

Она боязливо осмотрелась по сторонам, словно кто-то мог подслушивать, потом начала:

– В минувшем сентябре я нашла у него таблетки и спросила, от чего они. Он разговорился. Биполярное расстройство диагностировали у него еще во время учебы в колледже, но он никому об этом не сказал, даже Бренде. Правда, позднее с ней все же поделился, так что она знает. Соответствующая терапия и лекарства прекрасно держали его в форме.

– Я ничего даже не подозревал, – вставил Марк.

– И я тоже, – сказал Тодд.

– С людьми, страдающими биполярным расстройством, это бывает сплошь и рядом: в определенный момент они начинают верить, что больше не нуждаются в лекарствах. Они прекрасно себя чувствуют, и у них появляется убежденность, что они могут отлично обходиться без лечения. Таким

образом, они прекращают принимать свои таблетки, состояние их стремительно ухудшается, и зачастую они прибегают к самолечению. Именно это случилось и с Горди, хотя, надо признать, у него было много и других проблем. Вся эта кавария с юридической школой, невозможность найти работу, долги, и в довершение ко всему он почувствовал, что его настойчиво подталкивают к женитьбе. Ко Дню благодарения он уже был плох, но прилагал невероятные усилия, чтобы скрыть это.

– Почему ты нам не сказала?

– Потому что он бы мне этого не простил. Горди считал, что сумеет быть мужчиной и справится со всем этим. И надо сказать, что большую часть времени с ним все было в порядке. Только перепады настроения стали резкими и он начал много пить.

– Тебе надо было рассказать нам, – упрекнул ее Марк.

– Я не знала, что делать. Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться с чем-то подобным.

– Бессмысленно теперь укорять друг друга, – сказал Марку Тодд.

– Прости.

Тодд взглянул на свой мобильник и произнес:

– Уже почти восемь. От Горди никаких известий. Мне нужно к полудню быть в баре – начинается моя смена. А что вы собираетесь сегодня делать?

– Мне в десять на работу, это на несколько часов, – отве-

тила Зола. Она временно работала в маленькой бухгалтерской фирме.

– Ну, я вернулся из дому раньше срока, чтобы начать готовиться к адвокатскому экзамену, но на самом деле мне совсем не хочется этим заниматься. Наверное, пойду в «Несс Скелтон» убивать время, подлизываясь к будущим начальникам, чтобы показать себя необходимым и значимым. Задарма, разумеется. Уверен, что для меня найдется работа в копировальной.

– Тебе, должно быть, нравится юриспруденция, – заметил Тодд. – Ну, а я совершенствуюсь в баре.

– Спасибо.

– Думаю, единственное, что нам остается, – это ждать, – заключила Зола.

Тодд расплатился за кофе, и они покинули закусочную. Едва они прошли один квартал, как у Золы завибрировал телефон. Она выхватила его из кармана, взглянула на экран и воскликнула:

– Это Горди! Он в Центральной тюрьме.

В 4.35 утра Горди был остановлен полицейским, заметившим, как некая «Мазда» зигзагами движется по Коннектикут-авеню. Горди сначала отказывался пройти тест на трезвость, но в конце концов согласился подуть в трубку. Взглянув на цифру, высветившуюся на мониторе алкотестера, офицер тут же надел на него наручники и запихнул на

заднее сиденье полицейской машины. Машину Горди эвакуатор увез на городскую стоянку. В Центральной тюрьме его заставили еще раз пройти тест, результат оказался тот же. У него сняли отпечатки пальцев, сфотографировали его, зарегистрировали и бросили в камеру-вытрезвитель, где уже находилось шестеро других пьяниц. В 8 часов пристав препроводил его в маленькую комнату, выдал телефон и сообщил, что он может сделать один звонок. Горди послал эсэмэску Золе, после чего пристав, отобрав телефон, отвел его обратно в камеру.

Спустя полчаса трое друзей Горди уже прошли через металлоискатель на входе в Центральную тюрьму и были препровождены в большую комнату, где, очевидно, родственникам и друзьям передавали с рук на руки их близких после неудачной ночи. Вдоль трех стен стояли в ряд стулья с разбросанными на них журналами и газетами. За огромной стеклянной перегородкой в дальнем конце двое сотрудников в форме заполняли какие-то бумаги. Полицейские слонялись по комнате, иногда вступая в разговор с полусонными нервничающими людьми. Их было около дюжины – родители, жены, друзья, – и у всех был испуганный беспокойный вид. Два человека в плохих костюмах, с потрепанными портфелями чувствовали себя здесь как дома. Один разговаривал с полицейским, судя по всему, хорошо ему знакомым. Другой тихо совещался о чем-то с супружеской четой средних лет. Мать плакала.

Марк, Тодд и Зола нашли свободные стулья в уголке и принялись изучать окружение. Через несколько минут Марк подошел к окошку в стеклянной перегородке и, смущенно улыбнувшись, сообщил сотруднице, что приехал за своим другом Гордоном Таннером. Та сверилась с какими-то бумагами и, кивнув на стулья, сказала, что это займет некоторое время. Марк вернулся на свое место между Золой и Тоддом.

Адвокат, болтавший с полицейским, внимательно наблюдал за ними все это время и вскоре подошел. Его костюм-тройка был сшит из блестящей ткани с бронзовым отливом. Черные туфли с узкими мысами, слегка загнутыми кверху, начищены до блеска. Внешний вид мужчины дополняли нежно-голубая рубашка и ничему не соответствовавший бледно-зеленый галстук с туго затянутым узлом. На одном запястье у него красовались огромные золотые часы, усеянные бриллиантами, на другом – два массивных золотых браслета. Напомаженные волосы зачесаны назад и заправлены за уши. Не улыбнувшись, он привычно приступил к делу.

– Вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения? – поинтересовался он.

– Да, – ответил Марк.

Адвокат уже протягивал ему свою визитку. Даррелл Кромни, поверенный в суде. Специалист по делам о вождении в пьяном виде.

Все трое получили по визитке.

– Ну, и кто же этот «счастливчик»? – спросил Даррелл.

– Наш друг, – сообщил Тодд.

– Первый раз попался? – весело поинтересовался Даррелл.

– Да, первый, – отозвался Марк.

– Сочувствую. Могу помочь. Я только этими делами и занимаюсь и знаю всех полицейских, судей, служащих, приставов и все тонкости системы. В этом деле я – лучший.

Тщательно стараясь ничем не выказать желания нанять этого типа, Марк спросил:

– Ну и что его ждет?

Даррелл проворно подтянул складной стул и сел напротив троицы. Не теряя времени, он поинтересовался:

– Как его зовут?

– Гордон Таннер.

– Так... Таннер... – Он заглянул в блокнот. – С его показателем уровня опьянения свободы маневра остается не много. Сначала вам придется выложить двести долларов, чтобы забрать его отсюда. ЛП – личная подписка. Оформление займет около часа – и он на свободе. Еще двести долларов будет стоить вызволение его машины. Она на муниципальной штрафной стоянке. Это займет с полчаса или около того. Явку в суд ему назначат примерно через неделю. И вот тут в дело вступлю я. Мой гонорар – тысяча долларов наличными.

– Права у него не отберут? – спросил Тодд.

– Нет, пока он не будет признан виновным по суду. После этого он лишится прав на год и должен будет заплатить

штраф в пять тысяч. Но я могу помочь избежать кое-чего из этих неприятностей. Я мастер сделки, знаете ли. Плюс ко всему вашему другу предстоит пять ночей провести в тюрьме, и тут я тоже могу совершить маленькое чудо. Мы заменим ему заключение общественными работами. Поверьте, я знаю все ходы и выходы. А вы, ребята, учитесь или как?

– Да, мы студенты юридической школы, – ответил Марк. Какой именно, он уточнять не собирался.

– Джорджтаунской?

– Нет. Фогги-Боттом, – понизив голос, сообщил Тодд.

Кромли улыбнулся:

– Это моя школа. Окончил ее двенадцать лет назад.

Открылась дверь, и вошли еще двое обескураженных родителей. Кромли посмотрел на них взглядом голодного пса. Когда он снова повернулся к троице, Тодд уточнил:

– Значит, нам прямо сейчас нужно иметь четыре сотни наличными?

– Не четыре, а четырнадцать. Две – за поручительство, две – за машину и десять – мне.

– Хорошо, – вступила в разговор Зола, – но, может быть, у нашего друга есть какая-нибудь наличность с собой. Как бы нам узнать – сколько?

– Я могу это выяснить. Наймите меня прямо сейчас – и я сразу примусь за работу. Вашему другу нужна защита, и для этого есть я. Система наказаний за вождение в нетрезвом виде в этом городе такова, что вмиг сжует его и выплюнет.

– Послушайте, – снова заговорила Зола. – С нашим другом не все в порядке. У него... ну... есть кое-какие проблемы со здоровьем, и он не принимает нужные лекарства. Нам необходимо отвезти его к врачу.

Это Дарреллу очень понравилось! Он прищурился, словно животное, готовое к последнему, смертельному прыжку.

– Ну конечно. Как только мы вытащим его, я подам письменное ходатайство об ускоренных слушаниях. Опять же, я на короткой ноге с судьями и могу ускорить процесс. Но в этом случае гонорар, разумеется, увеличивается. Давайте не будем затягивать дело.

– Ладно, ладно, – сказал Марк, – но дайте нам время подумать.

Кромли вскочил на ноги и небрежно бросил:

– Мой номер телефона у вас есть. – После чего стремительно удалился, нашел другого полицейского и за беседой с ним принялся обозревать присутствующих в поисках новой жертвы. Глядя на него, Марк прошептал:

– Такими года через два станем и мы.

– Вот сукин сын, – произнес Тодд не так уж тихо.

– У меня есть восемьдесят долларов, – сообщила Зола. – Давайте пустим шапку по кругу.

– Я пуст, – отозвался Марк, нахмурившись. – От силы тридцать.

– Я тоже, – сказал Тодд, – но в банке у меня деньги есть. Вы, ребята, ждите здесь, а я побегу поищу банкомат.

– Отлично.

Тодд поспешно покинул комнату, которая все больше заполнялась. Марк и Зола наблюдали, как Кромли и второй адвокат обрабатывали собравшихся. Между беседами с потенциальными жертвами Кромли либо болтал с полицейским, либо звонил по мобильному. Несколько раз он удалялся куда-то, держа при этом телефон возле уха и делая вид, будто важные адвокатские дела ждут его в разных других местах. Но каждый раз возвращался все с той же определенной целью.

– Этому нас в школе не учат, – заметил Марк.

– Возможно, у него даже нет офиса, – предположила Зола.

– Смеешься? Вот он, его офис, здесь.

Через два часа после прибытия в Центральную тюрьму троица уже покидала ее вместе с Горди. Поскольку у Золы машины не имелось, а на «Бронко» Марка нельзя было положить в городском автомобильном потоке, они набились в хэтчбек Тодда «Киа» и доехали на нем до муниципальной штрафной стоянки в Анакостии¹², неподалеку от военно-морской верфи. Горди сидел на заднем сиденье рядом с Золой, закрыв глаза и не произнося ни слова. Вообще в машине говорили мало, хотя каждому было что сказать. Марк хотел бы начать разговор с вопроса: «Ну, Горди, ты хоть отдаленно представляешь себе, как повлияет арест за вожде-

¹² Район города Вашингтон.

ние в нетрезвом виде на твои и без того жалкие возможности найти работу?» или: «Итак, Горди, ты отдаешь себе отчет в том, что, даже если ты сдашь адвокатский экзамен, тебя почти наверняка не допустят выступать в суде из-за судимости по поводу вождения в нетрезвом виде?».

Тодд собирался спросить у него: «Ну, Горди, куда, скажи на милость, ты направлялся в четыре часа утра, оставив после себя две пустые бутылки из-под текилы?»

Зола, куда более снисходительная, хотела бы знать: «Кто твой врач и когда ты к нему пойдешь?»

Да, сказать было что, но ничего сказано не было. Переговоры со служащим на стоянке вел Марк. Он объяснил, что мистер Таннер болен и не может в данный момент сам управлять автомобилем.

«Наверняка еще не протрезвел», – подумал служащий, это было обычным делом. Марк отстегнул 200 долларов, половину из которых достал из кошелька Горди, и подписал нужные бумаги. После этого Тодд повез Золу на работу, а Марк – Горди домой на его «Мазде».

Пока они ползли в городской пробке, Марк произнес:

– Просыпайся, Горди, давай поговорим.

– Чего ты от меня хочешь? – пробормотал тот, не открывая глаз. От него несло перегаром и немытым телом.

– Я хочу знать, кто твой врач и где находится его кабинет. Именно туда мы сейчас поедем.

– Не поедем. У меня нет врача.

– Черт побери, тебе нужен врач. Послушай, Горди, кончай врать. Мы знаем о твоём биполярном расстройстве, о докторе, или психиатре, или кого ты там посещаешь. Нам совершенно ясно, что ты перестал принимать лекарства и тебе нужна помощь.

– Кто вам это сказал?

– Зола.

– Сука.

– Прекрати, Горди. Если ты мне сейчас же не сообщишь, кто твой врач, я позвоню твоим родителям или Бренде.

– Я тебя убью.

– Прекрасно, давай я остановлю машину, и мы с тобой сразимся на ножах.

Горди глубоко вздохнул, и по всему его телу прошла дрожь. Открыв глаза, он посмотрел в окно и попросил:

– Марк, пожалуйста, перестань орать на меня. У меня выдалась тяжелая ночь.

– Хорошо. Я не буду орать, но тебе необходима помощь, Горди.

– Прошу, отвези меня домой.

– В Мартинсбург? Мне нравится эта идея.

– Черт! Нет! Не туда. Я застрелюсь. Учитывая нынешние обстоятельства, это не такая уж плохая мысль.

– Кончай, Горди. Давай поедem к тебе домой, там ты при-
мешь хороший долгий душ. Потом, может, немного вздрем-
нешь. Потом мы купим что-нибудь поесть, а затем я отвезу

тебя к врачу.

– Вздремнуть – это хорошо. А все остальное не нужно.

Спустя минуту Марк увидел в зеркало заднего вида, что его друг вытирает слезы тыльной стороной ладони.

Глава 6

Рухнув на кровать, Горди велел Марку уходить. Марк объяснил ему, что этого не будет, и они немного поспорили. В конце концов Горди сдался, натянул одеяло на голову и заснул. Марк закрыл дверь в спальню, сел на диван и уставился на телефон. Бренда дважды звонила ему этим утром и явно паниковала. Ее дрожащий голос на голосовой почте и эс-эмэски раз от разу становились все тревожнее. Она не имела никаких известий от жениха уже два дня и была готова ехать в Ди-Си. С одной стороны, Марку почти хотелось, чтобы она приехала. Ей следует знать, что происходит. Она могла взять ситуацию под свой контроль и снять этот груз с Марка и остальных. Возможно, она даже привлекла бы родителей Горди – в данный момент это не помешало бы.

Но с другой стороны, ее приезд был способен еще больше осложнить ситуацию. Никто не мог предсказать, как отреагирует Горди, если Бренда появится здесь и начнет наезжать на него. Нет сомнений, что он ополчится против Марка за то, что тот рассказал ей правду. А последнее, что требовалось сейчас Горди, это еще одна драма.

Марк вышел в коридор и позвонил Бренде. Наврал ей, будто у Горди ужасный грипп, он лежит в постели, очень заразен и пьет кучу микстур и таблеток. Но он, Марк, и Тодд не отходят от него, нянчатся с ним, и все под контролем. Если

завтра его состояние не улучшится, Марк пообещал отвезти его к врачу. Не знает ли она, случайно, фамилии его врача? Нет, она не знает. Марк заверил ее, что будет звонить и докладывать о том, как развиваются события. В конце разговора Бренда сказала, что все-таки очень тревожится, поэтому еще один день подождет, но потом, если улучшение не наступит, приедет.

Марк вышагивал взад-вперед по коридору, чувствуя себя последним подонком из-за вранья и совершенно не зная, что делать дальше. Несколько раз он был близок к тому, чтобы перезвонить Бренде и рассказать правду. Если он это сделает, она будет здесь уже через два часа, и ответственность за Горди ляжет на нее. Бренда знает его лучше, чем кто бы то ни было. Они вместе с седьмого класса. Марк же знаком с Горди всего два с половиной года. Кто он такой, чтобы как какой-то выскочка вмешиваться в их проблемы? Горди необходима медицинская помощь, и его невеста, вероятно, – единственный человек, который может заставить его обратиться к врачу.

С другой стороны, если Бренда сейчас выйдет на сцену, все может стремительно полететь в тартарары. Она узнает о вождении в нетрезвом виде. Она знакома с друзьями Горди и обидится за то, что они ей лгали. Бренда может узнать про Золу – об этом страшно даже подумать. И во всем этом хаосе она может догадаться, что Горди врал ей насчет отличной работы, которая якобы ждет его по окончании Школы.

Ситуация станет настолько непредсказуемой, что не поздоровится никому, особенно Горди. А главное, Горди не хотел, чтобы Бренда околачивалась рядом. Он желал разорвать помолвку, но пока не набрался духу сделать это.

Чем дольше ходил Марк по коридору, тем больше его охватывала растерянность. Отсрочка казалась самой надежной стратегией, по крайней мере в данный момент, и он решил придерживаться выдуманной им версии, пока не станет ясно, как будут разворачиваться события днем.

И вот уже перевалило за полдень, а Горди все еще пребывал в полукомадном состоянии. Марк, стараясь не шуметь, сделал уборку в кухне, вынес на помойку три пластиковых мешка мусора, вымыл тарелки, высушил и убрал их в шкаф. Потом подмел пол и навел порядок в бумагах, разбросанных вокруг рабочего пространства, которое Горди устроил себе на обеденном столе. Он попытался расставить мебель по местам, но в одиночку сделать это тихо не представлялось возможным. Много времени Марк провел в созерцании стены, пытаясь понять связи между компаниями, фирмами и игроками империи Хиндса Рэкли. Это был впечатляющий сговор, и Марк потратил несколько часов, чтобы сложить фрагменты мозаики воедино. Но можно ли доверять исследованию Горди? Мог ли он ясно мыслить в своем нынешнем неуравновешенном состоянии?

Марк вошел в Сеть через свой мобильный и прочел все, что сумел найти, о биполярном расстройстве и депрессии.

Материалов оказалось море. Около трех он услышал шум в спальне и заглянул внутрь. Слышно было, как в ванной комнате льется вода; наконец-то Горди решил принять душ. Полчаса спустя он вошел в гостиную умытый и свежевыбритый, и его густые светлые волосы выглядели так же шикарно, как и прежде. Он надел джинсы и свитер. Поглядев на Марка, Горди заявил:

– Я голоден.

– Здорово, – с улыбкой отозвался Марк.

Они прошли несколько кварталов до своей любимой закусочной и заказали сэндвичи и кофе. Разговаривали мало, можно сказать, вовсе не разговаривали. Горди вступать в беседу не хотелось, и Марк его не трогал. Горди растормошил свой сэндвич с беконом, салатом и помидором, отложил хлеб и стал есть бекон руками. Официантка не успевала подливать им кофе, и, судя по всему, кофеин возвращал Горди к жизни.

Набив рот чипсами, он сказал:

– Спасибо, Марк, мне уже лучше.

– Отлично. Давай закругляться, и поедem к твоему врачу.

– Нет, в этом нет никакой необходимости, Марк, я прекрасно себя чувствую.

– Непременно к врачу, Горди! Или к психиатру, или как он или она называется, черт возьми. Сейчас тебе кажется, что с тобой все хорошо, но это же изменится.

– Психиатр... одно посмешище. Терпеть не могу этого ти-

па.

Официантка подлила им еще кофе. Горди покончил с чипсами и резко отодвинул тарелку. Он пил кофе и избегал встречаться взглядом с Марком. Наконец Марк предложил:

– Давай поговорим про вождение в нетрезвом виде?

– Не надо. Лучше прогуляемся. Мне нужно подышать свежим воздухом.

– Прекрасная мысль.

Марк расплатился кредитной карточкой, и они, покинув закусочную, медленно пошли через Дюпон-сёркл на запад, к М-стрит. Солнце стояло высоко в ясном небе – неплохая погода для долгой прогулки. Перейдя через Рок-крик, они вошли в Джорджтаун и, смешавшись с толпой, побрели по Висконсин-авеню, временами останавливаясь, чтобы поглазеть на витрины. В букинистическом магазине долго ходили по спортивному отделу. Горди раньше играл в американский футбол и лакросс в Вашингтоне и Ли и всегда был настоящим спортсменом.

О чем бы сейчас ни думал Горди, мысли свои он держал при себе. Казалось, он вел себя совершенно естественно и непринужденно и даже иногда улыбался, но все равно это был уже не тот Горди. Не ощущалось в нем прежней самонадеянности и добродушной задиристости. Он был озабочен, что неудивительно, и Марку доставало его обычных колкостей и циничных наблюдений. Когда чуть позднее поднялся ветер, они зашли в кофейню выпить латте. Склонившись

над столиком, Марк снова попытался вовлечь Горди в разговор, но тот пребывал в каком-то другом мире. Когда Горди вышел в туалет, Марк послал Тодду и Золе сообщение с последней информацией. Бренде он написал, что Горди немного лучше, но теперь от него заразились и он сам, и Тодд. Все трое совершенно больны и ухаживают друг за другом, поселившись у Горди. Грипп страшно заразный и стремительно распространяется по всей округе, так что лучше ей сюда не приезжать.

Когда они выходили из кофейни, Горди сказал, что хочет пройтись вдоль Потوماка. Они перешли на другую сторону М-стрит, проследовали по Висконсин и побрели к Джорджтаунскому порту, который превратился теперь в современный район с шикарными магазинами, ресторанами и кафе. В хорошую погоду он кишел студентами и туристами, нежившимися на солнышке, но в дурную пешеходов здесь было не много. Стоя на дощатом настиле пляжного променада над замерзшей у берегов рекой, Горди, казалось, любовался видами. Справа от них виднелся Кибридж, соединяющий Джорджтаун с Росслином. Слева – остров Теодора Рузвельта и еще один мост. Неподалеку располагался Кеннеди-Центр, а вдали – мемориал Линкольна и другие монументы. Воздух у реки был ощутимо холоднее. Огромные льдины медленно плыли вниз по середине реки.

Когда Горди обернулся, Марк увидел, что тот улыбается со странным умиротворенно-довольным видом.

– Я начинаю замерзать, – сказал Марк.

– Пошли.

Когда, уже после наступления темноты, вернулись с работы Тодд и Зола, Горди снова спал, а Марк читал книжку в мягкой обложке. Очень тихо они втроем подвели итоги дня и составили план на ночь. Обсудили и вопрос о том, надо ли позвонить Бренде и рассказать ей правду, но к этому не был готов ни один из них. Особенно Зола. Насчет завтрашнего дня особых дискуссий не возникло: все сошлись на том, что необходимо найти врача. Почти бесшумно они вернули на место всю мебель и прибрали в гостиной Горди. Марку очень хотелось содрать всё со стены. Он устал смотреть на Хиндса Рэкли и его банду. Быть посвященным в их тайный сговор казалось отвратительным само по себе, но постоянно видеть их перед глазами – еще хуже. Тем не менее Тодд и Зола наложили вето на эту идею. Горди потратил столько сил на этот свой шедевр, что, если они его уничтожат, он может снова слететь с катушек.

Когда принесли пиццу, Зола проскользнула в спальню и попыталась разбудить своего друга. Но, вернувшись одна, сообщила, что он слабо реагировал на ее попытки, а если реагировал, то грубо. Они ели пиццу, пили только воду и просто убивали время. Ключи от машины Горди лежали в кармане у Марка, там они и должны были оставаться. Друзья решили разделить ночь на смены, как накануне. Золе доста-

лась первая смена на диване. Тодд отправился в ее квартиру. А Марк прошел четыре квартала до своей и первый раз за этот день принял душ.

После того как ребята ушли и в гостиной стало тихо и темно, Зола начала эсэмэс-переписку. В дополнение ко всем бедам и без того несчастливого дня отец позвонил ей и сообщил, что иммиграционным судьей его последнее ходатайство отклонено и выдан ордер на его депортацию, депортацию его жены и Бо, неженатого брата Золы. Проведя двадцать шесть лет в США, они вынуждены будут отбыть обратно в Сенегал вместе со множеством других беженцев. Двадцать шесть лет тяжелого физического труда за гроши. Двадцать шесть лет, в течение которых они перебивались с хлеба на воду, стараясь скопить сколько можно, и соблюдали все законы, даже скорость ни разу не превысили. Двадцать шесть лет, в течение которых они привыкли считать себя американцами и были благодарны этой стране за то, что она приютила их. И вот теперь их силой возвращают в страну, которой они уже не знают и гражданами которой быть не хотят.

Зола была сильной женщиной, гордившейся своей стойкостью, но под гнетом такого количества неприятностей, какое свалилось на нее сейчас, не выдержала и закрыла глаза.

Ночью, без восемнадцати минут два, ее телефон начал жужжать и вибрировать. Он лежал в кармане джинсов и в конце концов разбудил ее. Пропущенный звонок. От Горди.

Потребовалось не больше двух секунд, чтобы она поняла, что случилось, вскочила на ноги и бросилась в его спальню. На всякий случай она проверила и ванную, уже прекрасно зная, что его там нет, и побежала будить Тодда. И вот вторую ночь подряд все повторялось снова: они мчались вниз по лестнице в нижний коридор, потом – на парковку за домом. «Мазды» Горди там не было. Тодд позвонил Марку и сказал, что они сейчас за ним заедут. Когда они ехали в машине Тодда, пикнул мобильник Золы.

– Это он! – взволнованно воскликнула девушка. – Пишет: «Зола, я больше не могу это выносить. Выхода нет. Прости».

– Черт! Звони ему!

– Он не ответит, – сказала она, вызывая номер Горди. Номер сразу переключился на голосовую почту: «Привет! Это Горди. Оставьте сообщение». – Голосовая почта, – сообщила она Тодду. – Я ему пишу: «Горди, где ты? Мы едем за тобой».

Она ждала ответа, не сводя глаз с экрана своего телефона, потом повторила сообщение и сказала:

– Не отвечает.

– И ты совсем ничего не слышала, когда он уходил?

– Ну конечно, нет. Я правда старалась не заснуть. Наверное, у него был запасной ключ.

– Наверняка. Он собирается что-то с собой сделать.

– Не говори так!

Марк вылетел из своего дома, держа телефон возле уха и тщетно пытаясь дозвониться до Горди. Он запрыгнул на

заднее сиденье и сказал:

– Ну, что теперь?

– Его ключ от машины все еще у тебя? – спросил Тодд.

– В кармане. Кто держит запасные ключи от машины, которой уже десять лет?

– А вот Горди, оказывается, держал. Он собирается совершить какую-то глупость, понимаешь?

– Самое время сейчас, – с горечью произнесла Зола. – Простите меня, ребята, я не хотела засыпать.

«Две ночи подряд – одно и то же», – одновременно пришло в голову Марку и Тодду, но они ничего не сказали. Укорами делу не поможешь, а Зола и без того болезненно переживает свою вину. Если Горди вознамерился выкинуть еще какой-то номер, им его не остановить.

– Есть идеи? – спросил Тодд, не отнимая рук от руля. Никто не ответил. Все трое сидели в тягостном молчании, мотор продолжал урчать, и обогреватель гнал в салон теплый воздух.

– «Рок Крик»¹³, – прервала наконец тишину Зола. – Он любил бегать по нему трусцой.

– Сомневаюсь, чтобы сегодня ему захотелось бегать трусцой. На улице двадцать градусов¹⁴.

– Давайте проверим «Кони». Это всегда было наше люби-

¹³ Рок Крик Парк – парк в центре Вашингтона, расположенный на площади более 700 гектаров.

¹⁴ 20° F соответствуют примерно 28,8° C.

мое место, чтобы протрезветь, – предложил Марк.

– Хорошая мысль, – согласился Тодд, трогаясь с места. – Продолжайте звонить и писать ему.

«Кони» была облюбованной бездельниками и студентами круглосуточной вафельной на Девятнадцатой улице. Тодд остановил машину на углу, и Марк нырнул внутрь. Вернувшись через несколько секунд, он доложил:

– Никаких признаков того, что он тут был. У меня идея. Давайте поедem в Джорджтаун на пляжный променаd. Мы с ним были там вчера днем, и это место ему, судя по всему, понравилось.

– Что ты имеешь в виду под «понравилось»? – спросил Тодд.

– Не знаю. Просто езжай туда.

Когда они поворачивали на М-стрит, у Марка зазвонил телефон.

– Черт! Это Бренда. Отвечать?

– Да! – рявкнул Тодд. – Сейчас же отвечай.

Марк нажал «ответить» и как мог бодро произнес:

– Привет, Бренда.

Она была чуть ли не в истерике.

– Марк, что происходит?! Я только что получила сообщение от Горди. Он пишет, что ему очень жаль, но выхода, мол, нет, он больше не может так жить. Что, черт побери, происходит, Марк?! Скажи мне!

– Бренда, Горди куда-то уехал на машине. Мы с Тоддом

ездим, пытаемся найти его. Он перестал принимать лекарства и ведет себя как чокнутый.

– Но ты же говорил, что у него грипп, так же как у тебя.

– Он лежал в постели, ему было плохо, понимаешь? Мы были с ним, но он улизнул. Ты пыталась до него дозвониться?

– Конечно, пыталась! Почему ты не сказал мне, что он прекратил принимать таблетки? – Бренда почти визжала.

– Бренда, до вчерашнего дня я вообще не знал, что он сидит на лекарствах. Он нам никогда об этом не говорил. И ты тоже.

– Повода не было. Марк, пожалуйста, найдите его!

– Мы стараемся.

– Я приеду немедленно.

– Нет, пока не надо. Оставайся на месте, я тебе позже позвоню.

Подъехав к променаду, они припарковали машину у обочины, выбрались из нее и помчались к реке, но были остановлены охранником.

– Сэр, мы ищем друга, – объяснил ему Марк. – Он ездит на маленькой синей «Мазде», ему нужна наша помощь. Вы его не видели?

– Да кого бы сюда принесло в такое время? – ответил охранник.

– Ладно. Мы только взглянем, можно?

– Валяйте.

Они прошли вдоль променада и остановились у кромки воды, там, где Горди с Марком побывали накануне днем. Слева от них, за островом Рузвельта, на Мемориальном Арлингтонском мосту, мигали красные и синие огни полицейских машин.

Глава 7

К тому времени, когда они подъехали, три улицы, ведущие на запад от моста, были перекрыты, и машины пятились задним ходом. Тодд припарковался у поросшего травой пригорка возле эстакады, и они поспешили на место происшествия. Полдюжины машин полиции округа Колумбия беспорядочно стояли на мосту с открытыми дверями и мигающими проблесковыми маячками. У полицейских, толпившихся на мосту, попискивали рации. Двое стояли на тротуаре возле перил, вглядываясь вниз, в темную воду. Сквозь образовавшуюся пробку к мосту медленно пробивалась машина «Скорой помощи» с включенной сиреной. Не прошли они и сотни футов по мосту, как полицейский преградил им путь.

– Назад! – прорычал он. – Куда вас несет?

Они остановились, наблюдая за царившим на мосту хаосом. Через плечо полицейского, за полицейскими машинами, виднелась синяя «Мазда» Горди. Она неподвижно стояла посередине моста с включенными фарами. Водительская дверь была открыта.

– Что случилось? – спросил у копа Марк.

– Не ваше дело. Убирайтесь отсюда.

– Сэр, мы его знаем, – вмешался Тодд. – Это наш друг. Что с ним случилось?

Полицейский глубоко вздохнул и смягчился.

– Он прыгнул, ясно? Остановил здесь машину и сиганул.

Зола закричала и закрыла лицо руками. Тодд успел подхватить ее, уже падавшую. У Марка подогнулись колени, и его чуть не вырвало.

– Нет, не может быть, – с трудом выдавил он.

Полицейский положил руку Марку на плечо, кивнул налево, туда, где двое других полицейских пытались успокоить какую-то женщину средних лет, и пояснил:

– Она ехала вслед за ним, когда он остановился, и видела, как он подбежал к перилам и прыгнул. Мне очень жаль.

– Не может быть, – повторил Марк.

В нескольких футах от них Тодд отвел Золу к широкому тротуару, и она, прислонившись спиной к бетонной ограде моста и не переставая выть, тяжело осела на землю.

– Мне очень жаль, – еще раз сказал полицейский. – Мы нашли в машине бирку. Он из Восточной Виргинии, да?

– Да. Его зовут Гордон Таннер. Мы студенты.

– Идемте со мной. – Марк последовал за ним мимо группы полицейских, и они остановились за машиной Горди. Марк в ужасе смотрел на нее, непрерывно качая головой.

– Вот здесь, – коп подвел его к ограде. Двое полицейских ручными фонарями обшаривали темные воды Потомака. К мосту направлялся быстроходный катер с синими проблесковыми огнями. – Здесь он спрыгнул, – добавил полицейский. – Там, внизу, ледяная каша. Больше двух минут никто не продержался бы.

Марк изо всех сил вглядывался в воду, катер прошел под мостом. Марк закрыл глаза и начал всхлипывать.

Детектив в длинном плаще подошел и спросил:

– Это кто?

– Его друг, он знал парня, – объяснил полицейский.

Марк посмотрел на детектива и попытался взять себя в руки.

– Мне очень жаль, сынок, – произнес тот. – Что ты можешь нам рассказать?

Марк вытер слезы, скрипнул зубами и дрожащим голосом выдавил:

– Это наш друг, у него в последнее время были неприятности. Прошлой ночью его арестовали за вождение в нетрезвом виде, и мы весь день не спускали с него глаз – боялись, что он наделает глупостей.

– А проблемы с психикой у него были?

– Нет, он просто перестал принимать лекарства. – Голос у Марка сорвался, и он снова вытер глаза. – Не могу поверить.

– Мне очень жаль, сынок, – повторил детектив. – Я детектив Суэйзи из ДПОК¹⁵. Вот моя визитка с номером мобильного.

Марк взял визитку и с трудом произнес:

– Спасибо.

– Мы ищем тело, это займет какое-то время, но мы его найдем. Ты знаешь его родных?

¹⁵ DCPD (англ.) – Департамент полиции Округа Колумбия.

– Да.

– Откуда он?

– Из Мартинсбурга, Восточная Виргиния.

– Сможешь им позвонить? Они наверняка захотят приехать.

Это было последнее, что Марку хотелось бы делать, но он кивнул:

– Конечно. Мы можем помочь с поисками или еще с чем-то?

– Прости, сынок, вам не остается ничего, кроме как ждать. Скинь мне эсэмэской свой номер, и я позвоню, когда мы его найдем.

– Сколько времени на это уйдет?

Детектив пожал плечами:

– В таких случаях ничего нельзя предугадать заранее. Вы лучше отправляйтесь куда-нибудь, где тепло, и ждите. Я позвоню попозже и сообщу последние новости. Попроси его родных со мной связаться. И вот еще что: мы обыскали машину, но не нашли предсмертной записки. Ты знаешь, где он жил?

– Знаю.

– Хорошо. Сможешь поискать у него дома, не оставил ли он записку там? Обычно оставляют записку. Если что-нибудь найдешь, сразу позвони мне.

– Позвоню.

Суэйзи положил руку Марку на плечо и повторил:

– Мне очень жаль, сынок.

– Спасибо. – Марк направился назад по тротуару. Еще одна «Скорая» пробивалась сквозь пробку с запада, застрявшие машины продолжали осторожно пятиться задним ходом. Казалось, что вокруг вспыхивает миллион красно-синих огней. Два катера покрупнее, с мощными прожекторами, присоединились к поискам, все три судна наре́зали круги под арками моста.

Марк с Тоддом помогли Золе подняться. Все трое окоченели от холода, но, пребывая в оцепенении от шока, ничего не чувствовали. Ребята буквально донесли Золю до машины, теперь тоже застрявшей в пробке. Тодд завел мотор, включил обогреватель, и они просто сидели, потрясенные, наблюдая за всем этим кошмаром. Зола плакала на переднем пассажирском сиденье. Тодд, привалившись к боковому окну, был похож на привидение. Марк всхлипывал, ловя воздухом. Прошло несколько минут, прежде чем он осознал, что у него вибрирует телефон. Наконец он вынул его из кармана и произнес:

– Бренда звонила четыре раза. Кто-то должен ей сказать.

– Этот кто-то – ты, Марк, – отозвался Тодд. – У тебя нет выбора.

– А почему ты не можешь ей позвонить?

– Потому что ты знаешь ее лучше. И звонит она тебе, а не мне.

Зажав в руке телефон, Марк ждал. Эвакуатор с желтыми

фарами дюйм за дюймом пробился через замершую пробку и объехал полицейские машины. Кто-то из начальства решил, что «Скорые» не понадобятся, поэтому те уехали вместе с несколькими полицейскими автомобилями.

– Так ты будешь ей звонить? – спросил Тодд.

– Собираюсь с духом, – ответил Марк.

– Это я виновата, – всхлипнула Зола.

– Никто не виноват, и ты это прекрасно знаешь, – не слышав убедительно возразил Тодд.

– Это я сделала, – сказала она. – Это сделала я...

Желтые фары развернулись в их сторону, и они увидели, как эвакуатор двинулся обратно. Спустя некоторое время он протащил мимо машину Горди, катившуюся за ним на задних колесах. Прибыло еще несколько катеров, и вся поисковая флотилия веером расплылась к югу от моста. Полицейские расчистили две полосы в западном направлении, и пробка начала медленно рассасываться.

– Что я ей скажу? – произнес Марк. – Я не могу сказать, что он умер, потому что наверняка мы этого пока не знаем, верно?

– Он мертв, Марк, – проговорил Тодд. – Скажи ей, что он спрыгнул с моста в Потомак и сейчас ищут его тело.

– Я не смогу.

– У тебя нет выбора.

Марк набрал полные легкие воздуха, сделал долгий выдох, но не позвонил.

– Я был с ним, когда он принял это решение, – признался он. – Мы стояли на променаде, и Горди неотрывно смотрел на этот мост. А когда обернулся, у него было такое спокойное выражение лица, и он улыбался. Он тогда уже все решил, и это принесло ему покой. А я был слишком туп, чтобы понять это.

– Черт возьми, мы не играем в игру «Кто виноват»!

– Задницей могу поклясться, что Бренда укажет пальцем на виновного, и этим виновным буду я. Я врал ей весь день. А надо было сказать правду и позволить ей о нем позаботиться.

– Мы делали что могли. Не наша вина, что он сбрендил.

– Это я, я одна виновата! – пронзительно крикнула Зола. – Во всем!

– Прекрати, Зола! – сделал ей внушение Тодд.

Полицейский помахал им фонарем, веля начинать движение, и Тодд, съехав с обочины, направил машину на запад. Они медленно переезжали мост. Полицейские сгруппировались на тротуаре у места, где Горди спрыгнул в воду.

– Куда мы едем? – спросил Марк.

– Не знаю.

Переехав через реку, они повернули на юг, на бульвар Джорджа Вашингтона, и покинули остров Колумбия. Тодд припарковал машину на пустой стоянке возле Мемориального парка Линдона Джонсона, расположившегося вдоль марины, на поверхности которой тихо покачивались десятки судов. Сидя в машине, они смотрели в темноту; обогреватель

натужно шипел. В кармане у Марка завибрировал телефон.

– Так ты будешь ей звонить?

Марк взглянул на экран и ответил:

– Уже незачем. Она сама звонит.

Открыв заднюю дверцу, он выбрался наружу и пошел по направлению к доку. Потом, приложив телефон к уху, сказал:

– Бренда, случилось ужасное несчастье.

Глава 8

Они отвезли Золу к ней домой и уложили на диван. Марк укрыл ее пледом и расположился в изножье, согревая ей ноги руками. Тодд поставил варить кофе и, пока тот закипал, сел на пол, прислонившись спиной к дивану. Зола положила руку ему на плечо. Они долго молчали, единственным звуком в комнате было шипение и бульканье кофейника.

У Марка завибрировал телефон, он достал его из кармана.

– Это отец Бренды. – Он коснулся пальцем экрана, включив громкую связь, и ответил: – Да, доктор Карви.

– Марк, мы едем, должны быть примерно через час. Остановимся в «Мариотте», в Пентагон-сити. Можешь встретиться с нами около семи? – Голос звучал спокойно и уверенно.

– Конечно, доктор Карви. Я приеду.

– Спасибо. Я связался с детективом Суэйзи, у него есть мой номер.

– Хорошо. Увидимся в семь.

Марк дал отбой и произнес:

– Это именно то, чего мне не хватало, – иметь дело с женщиной, пребывающей в истерике.

– Я поеду с тобой, и мы не дадим себя оскорблять, – сказал Тодд.

– Конечно же, Бренда будет нас оскорблять. Она уже два-

жды наорала на меня. Но мы сами виноваты – потому что я лгал, потому что мы дали ему уйти, потому что не позволили его родным, потому что не отвезли к врачу – кругом виноваты.

– Вина тут только моя, – пробормотала Зола, не открывая глаз.

– Никакой твоей вины нет, и твое имя вообще не упоминалось, – возразил Марк. – Пусть так и останется.

– Если она начнет вопить, я повернусь и уйду, – пообещал Тодд. – Я и так чувствую себя отвратительно, не хватает мне еще новой драмы, с участием Бренды и ее родителей.

– Вчера, когда мы ехали из тюрьмы, Горди пригрозил, что убьет меня, если я ей позвоню. Конечно, это было не всерьез, но мыслил он в этом направлении. Он не хотел, чтобы она знала. И отказался даже разговаривать о том, чтобы поехать к врачу. И что мы могли сделать?

– Мы это уже обсуждали, Марк. – Тодд встал и налил три чашки кофе. Было уже почти четыре часа, и все чувствовали себя физически и эмоционально обессиленными. Зола села на диван, взяла чашку и попыталась изобразить улыбку. Глаза у нее покраснели и опухли; в любой момент у нее мог случиться новый срыв.

– Я с вами, наверное, не поеду, ребята, – сказала она.

– Конечно, не поедешь, тебе нужно остаться дома и отдохнуть, – согласился Марк.

– Отличная мысль, – добавил Тодд. – Тебе вообще не сле-

дует светиться возле Бренды.

– Мы однажды встречались с ней. Она думает, что мы просто хорошие друзья. Горди говорил, что она про нас не догадывается.

– Уверен, что не догадывается, – подхватил Марк, – но все же ревнует. Ей не нравилось, что Горди живет здесь, в большом городе, без нее.

Пока все пили кофе, в комнате снова царила тишина. Нарушил ее Марк.

– Ах да, – вспомнил он, – нужно поискать его предсмертную записку. Детектив просил.

– Было бы интересно, – сказал Тодд.

Они пересекли коридор, вошли в квартиру Горди и включили свет. Ничто в ней не изменилось с тех пор, как они в панике покинули ее. Записка должна была бы лежать в спальне, но они ничего не нашли.

– Какой бардак кругом, – прокомментировал Марк, оглядывая комнату.

Простыня скомкалась, обнажив часть матраса, одежда свалена на полу, на туалетном столике – две пустые бутылки.

– Я уберу здесь, когда вы уедете, – вызвалась Зола. – Уверена, что родные захотят посмотреть квартиру, в которой он жил.

Они вернулись в гостиную и стали изучать схему Горди на стене.

– Какие у кого идеи? – спросил Тодд.

– Давайте все снимем, но сохраним. Родственникам это не нужно.

Зола собрала в корзину для грязного белья простыни и одежду Горди и понесла в цокольный этаж, где располагалась прачечная, а Марк и Тодд тем временем бережно снимали со стены листы ватмана и бумаги. Фотографии Рэкли и его сообщников сложили аккуратной стопкой, чтобы вынести потом. Возле компьютера Горди Марк заметил две флэшки и, повинуясь безотчетному порыву, молча сунул их себе в карман.

В шесть они с Тоддом вышли из дома и направились в Пентагон-сити. Дороги были свободны, они прибыли в «Мариотт» уже через двадцать минут и зашли в кафе, чтобы в ожидании назначенного времени выпить по чашке кофе с булочкой. За столом они настраивали себя на предстоящую встречу.

– Наверняка она будет говорить ужасные вещи, – предположил Тодд.

– Она их уже сказала.

– Марк, мы не должны позволить смешать себя с грязью.

– Придется терпеть, Тодд, и сочувствовать. Бедная девушка только что потеряла жениха, которого обожала.

– Зато он ее не обожал, во всяком случае в последнее время.

– Она никогда об этом не узнает. Или узнает?

– Поди угадай. По словам Золы, Горди и Бренда сильно

ссорились перед Рождеством. Бог весть, что он ей наплел. Мог расторгнуть помолвку.

– Он бы нам сказал. Мы его лучшие друзья, Тодд, по крайней мере здесь, в Ди-Си. Бьюсь об заклад, что свадьбу никто не отменял и Бренда продолжала мечтать о своем Великом дне. А теперь ее милый друг детства мертв.

– И как нам, по-твоему, следовало поступить? – спросил Тодд.

– Не знаю, но не уверен, что нужно было посвящать Бренду во все это. Горди спустил бы на нас всех собак, и ситуация осложнилась бы еще сильнее.

– Она и так осложнилась – хуже не бывает.

– Это правда. Ладно, пора идти.

На лифте они поднялись на третий этаж и постучали в дверь. Доктор Карви ждал и открыл сразу же. Представился негромким голосом, крепко пожал им руки, натянуто улыбнулся, что в сложившихся обстоятельствах показалось им поразительным, потом жестом пригласил войти в гостиную своего люкса и предложил кофе, от которого они отказались. Никаких следов присутствия Бренды не наблюдалось.

Горди несколько раз рассказывал им о своем будущем тесте, они знали, что семья Карви состоятельна, владеет землей и имеет деньги в банке. Доктор Карви был кардиологом, и его очень уважали в Мартинсбурге. Лет ему было около пятидесяти, голова уже сильно поседела, но подбородок оставался твердым. На нем был пиджак без галстука, одежда яв-

но недешева. Горди, который легко разбрасывал уничижительные замечания по поводу всех и каждого, об этом человеке никогда не сказал дурного слова.

Все расселись вокруг небольшого стола и тихо заговорили. Бренда находилась с матерью в спальне. Доктор Карви дал ей успокаивающее, и она отдыхала. Полицейские, опрашивавшие их, только что удалились. Родители Горди уже ехали и должны были прибыть в течение ближайшего часа.

– Пожалуйста, расскажите мне все, что знаете, – попросил доктор Карви.

Марк кивнул Тодду, и тот, тяжело сглотнув, начал краткий рассказ о том, что произошло за последние несколько дней. Товарища Горди по Школе, живущего в одном с ним доме, обеспокоило его странное поведение, и в поисках помощи он пришел в бар, где работает Тодд. Все вместе они явились к Горди, который уже несколько дней не выходил из квартиры. Он был в ужасном состоянии, пил, ни с кем не общался, и ему явно требовалась их помощь. Они боялись оставлять его одного, но он все равно улизнул. Когда Тодд подробно повествовал об аресте за вождение в нетрезвом виде, доктор Карви морщился и качал головой – это была первая проявленная им реакция. Продолжая рассказ Тодда, Марк поведал о том, как старался оградить Горди от опасностей весь предыдущий день. Горди отказывался говорить о своем состоянии и не называл Марку фамилии своего врача. Он пригрозил ему, запретив звонить Бренде или его родите-

лям. Много спал, перестал пить, и казалось, что он приходит в себя. Прошлую ночь они снова по очереди дежурили в его квартире, но ему опять удалось улизнуть. Обнаружив, что он сбежал, они запаниковали и пустились его искать. На звонки он не отвечал. Они объездили почти весь город, пока наконец не увидели аварийное освещение на мосту.

Закончив свой рассказ, Марк посмотрел на Тодда. Тот согласно кивнул. Информация была почти полной, во всяком случае, на данный момент вполне достаточной.

– Спасибо, – произнес доктор Карви. – Когда Горди приезжал домой на каникулы, у них с Брендой состоялся серьезный разговор об их будущем, как это всегда бывает у молодых людей перед свадьбой. Разговор был довольно бурным, но Бренда сказала, что они все уладили. А потом он, ни с кем не попрощавшись, уехал и вернулся сюда.

– Что-то такое мы слышали, – подтвердил Марк.

– Бренда знала, что он перестал принимать лекарства? – спросил Тодд.

– Мы узнали, что Горди страдает биполярным расстройством, всего несколько часов тому назад. Это было одной из причин их ссоры. Он старался держать свою болезнь в тайне, что неудивительно.

Марк и Тодд недоверчиво покачали головами.

– Послушайте, я знаю, что несколько часов назад Бренда наговорила вам много обидного, и мне очень жаль, что так произошло. Но она убита горем. Мы все потрясены так же,

как и вы. Горди мы знаем с его детства, он практически стал членом нашей семьи.

– Не беспокойтесь, все нормально, – сказал Марк.

– Нам так жаль, доктор Карви. Мы просто не знали, что делать, и понятия не имели, что он способен на такое.

– В сложившихся обстоятельствах вы сделали все возможное, – произнес доктор Карви тоном, каким врач разговаривает, сидя у постели больного. Когда Марк и Тодд, впервые с того момента, как переступили порог этого номера, немного расслабились, доктор Карви ровным тихим голосом неожиданно обрушил на них вопрос: – У него была здесь другая девушка?

Они вздрогнули и уставились на свои руки. У Марка хватило присутствия духа, чтобы спросить:

– А если ответ – да, вы скажете об этом Бренде?

– Нет. От этого ей будет только хуже.

– Тогда зачем вам знать? – поинтересовался Тодд.

Доктор подумал немного и ответил:

– Давайте не будем об этом говорить.

– Это правильно.

Стремясь уйти, пока никто не вышел из спальни, Марк и Тодд сочли разговор оконченным и, попрощавшись, поспешно покинули отель, после чего бесцельно проехали мимо аэропорта имени Рейгана. Они тревожились о Золе, но не имели ни малейшего желания возвращаться в квартиру Горди, во всяком случае пока. Миновав Александрию, направи-

лись на юг, в какой-то момент повернули на восток, переехали реку по мосту Вудро Вильсона и припарковались у марины городка Нэшнл-Харбор. Перед ними простирался Потомак. Здесь его ширина доходила до мили, и он нес свои воды спокойно, словно ничего не случилось. Никаких признаков того, что в нем кого-то ищут. В гавани стояло два корабля береговой охраны и, ближе к аэропорту, два полицейских катера, а дальше, до самого Мемориального Арлингтонского моста, – ничего.

– Как думаешь, способны они вычислить, насколько далеко могло унести тело? – спросил Марк.

– Ты *меня* спрашиваешь? – отозвался Тодд.

– Я думал, ты все об этом знаешь. Разве у тебя не было в старших классах друга, который утонул?

– Ага, Джоуи Барнс. Ему было пятнадцать лет. – Постукивая пальцами по рулю, Тодд погрузился в воспоминания о старом друге. – Утопленники опускаются на дно, независимо от глубины. Если вода холодная, поиски продолжаются дольше. Когда утопленник достигает дна, начинают происходить какие-то химические реакции, которые выталкивают тело на поверхность. Все они оказываются в конце концов наверху, обычно неподалеку от места, где утонули. Правда, существует вероятность, что тело зацепится за что-нибудь на дне, тогда оно не всплывет.

Они довольно долго размышляли молча, под гул работающего обогревателя.

– Его вынесет на берег, как ты думаешь? – спросил наконец Марк.

– Его так или иначе найдут. Нужно его похоронить, попрощаться и положить конец всему этому кошмару. Не могу представить, чтобы поминальную службу проводили без тела.

– Конечно, его найдут. А потом мы его похороним. А потом придется вернуться в Школу на последний семестр.

– Я даже думать об этом не могу.

– Тодд, наша юридическая школа и есть причина смерти Горди. Если бы он в нее не поступил, сейчас с ним все было бы в порядке.

– Как и со всеми нами.

– Я не могу туда вернуться.

– Давай поговорим об этом потом. А сейчас нам надо поспать.

В начале дня доктор Карви позвонил Марку и попросил, чтобы они с Тоддом пригнали машину Горди к отелю и встретились с мистером и миссис Таннер. Ничего не могло быть хуже, но в данный момент родители Горди нуждались в них. Так второй раз за два дня они отправились на городскую штрафную стоянку, чтобы забрать маленькую синюю «Мазду» Горди. За несколько секунд до того, как спрыгнуть с моста, он заглушил двигатель и, очевидно, сунул запасной ключ зажигания в карман. К счастью, у Марка все еще оставался

основной ключ от его машины. Город великодушно освободил машину от платы за эвакуацию и хранение, что сберегло им двести долларов.

Обстановка в номере Карви была хуже, чем в морге. Бренда сидела на диване между матерью и миссис Таннер, женщинами, которые, как известно, ненавидели друг друга и ссорились из-за свадебных планов. Теперь, однако, это уже было в прошлом, и обе искренне горевали.

Еще раз Марк и Тодд повторили свой мучительный парный рассказ о событиях последних дней, стараясь насколько можно отвести от себя вину. Любезность, которую доктор Карви проявил по отношению к ним во время предыдущей встречи, исчезла без следа, хотя он старался, чтобы все было спокойно. Мистер Таннер задал им много резких вопросов относительно того, что они сделали и чего не сделали. Зачем Марк лгал насчет того, что у Горди грипп? Почему они просто не позвонили им, его родителям, и не попросили помощи? Как они позволили Горди сбежать из квартиры, причем дважды? Что они предприняли, чтобы удержать его от пьянства? И так далее. Бренда почти не разговаривала. Она либо сидела, уставившись в пол, и вытирала слезы, либо смотрела на них так, словно они сами сбросили Горди с моста. Это была ужасная, мучительная встреча, и в какой-то момент все присутствующие, включая Марка и Тодда, разрыдались. Когда стало совсем неважно, Марк поднял руки, сказал, что с него хватит, и выскочил из номера. Тодд последовал за ним.

Они ехали молча, в подавленном состоянии, так как понимали, что родные и близкие Горди всегда будут считать их ответственными за его смерть. Но при этом и чувствовали гнев от того, что на них возложили вину. Конечно, теперь, задним числом, легко рассуждать, что они сделали и чего не сделали, и критиковать их решения. А правда состояла в том, что Горди был болен и они сделали все, что могли, чтобы помочь ему.

Имя Золы не было упомянуто ни разу.

Глава 9

Ожидание казалось невыносимым. Тодд, чтобы убить время, отправился на несколько часов в бар, поработать. Марк и Зола пошли в кино. Все трое вздрагивали каждый раз, когда начинал вибрировать мобильный, однако никаких новостей о поисках тела все не было. Постоянно заглядывали однокашники по юридической школе, жаждавшие узнать последние новости. Соцсети гудели сплетнями. Электронная версия газеты «Пост» сообщала новости онлайн.

После работы Тодд, прихватив шесть банок пива в упаковке, явился в квартиру Золы, и они заказали пиццу. Пока они ее ели, Зола поведала ребятам о своих родителях и брате. Около полудня их увезли в Пенсильванию, в центр временного содержания иммигрантов. Вооруженные агенты службы иммиграции и таможенного контроля – СИТК – дали им один час, чтобы собрать самое необходимое из одежды и личных принадлежностей, сколько они сумеют унести, и – в наручниках – затолкали в фургон вместе с четырьмя другими беженцами. Отец звонил из центра временного содержания, сказал, что там намного лучше, чем в тюрьме. Он понятия не имел, как долго их там продержат перед высылкой обратно в Сенегал.

Марк и Тодд были шокированы ее рассказом и пришли в ярость. Особенно жестоким показалось то, как мало време-

ни дали родителям Зола на сборы. Зола и так была на грани безумия из-за самоубийства друга, а тут еще и это. Они решили держаться вместе и к полуночи наконец заснули. Зола – в своей кровати, Марк – на диване, Тодд – в кресле рядом с ним.

Рано утром, когда все трое пили кофе, пытаясь освободиться от оплетавшей их паутины тяжелого сна, в коридоре послышались голоса – там происходило какое-то движение. Марк приоткрыл дверь, и они прислушались.

В квартире Горди находились доктор Карви, Бренда и чета Таннеров. Они нашли ее безупречно чистой: посуда вымыта и расставлена в кухонном шкафу, холодильник очищен от протухшей еды, нигде ни капли спиртного. В гостиной все лежало на своих местах, пол вымыт, бумаги в рабочем уголке, устроенном на обеденном столе, аккуратно сложены. Кровать в спальне идеально застелена. Вся одежда выстирана и убрана в шкаф. На туалетном столике красовался большой фотопортрет Бренды в рамке, тот самый, который обычно лежал у Горди в ящике стола. В ванной все полотенца были сложены стопками. Пол, унитаз, душ и туалетные принадлежности практически сияли. В аптечке – никаких следов таблеток. Пришедшие должны были увидеть, что Горди не пожалел времени, чтобы все тщательно прибрать, прежде чем покинуть квартиру.

И вдруг Бренда сорвалась. Она упала на диван и разрыда-

лась, а отец, сев рядом, успокаивал ее, поглаживая по колену. Находясь в квартире напротив, трое друзей прислушивались к происходившему в жутковатом молчании.

Таннеры решили, что пока стоит ограничиться беглым осмотром. Позднее они вернутся, чтобы забрать вещи сына. Они заперли дверь и все вместе удалились. Из окна коридора на втором этаже троица наблюдала за тем, как они отъезжают, и испытывала болезненно-острую жалость к ним.

Был понедельник, 6 января. Занятия возобновлялись через неделю, но трое друзей и не думали о них. И хотя свое первое посещение Центра временного содержания иммигрантов они не рассматривали как увлекательное путешествие, им было необходимо уехать из города. Зола позвонила на работу и сказалась больной, а Тодд взял отгул в «Старой рыжей кошке». Выехав из Ди-Си еще до полудня, они направились на север. Чтобы не видеть Потомака, Тодд поехал по Коннектикут-авеню, а потом – через Чеви Чейз и Мэриленд. Первые полчаса все молчали. Сидевшая на переднем пассажирском сиденье Зола была подавлена и безучастно смотрела в окно. Тодд время от времени потягивал кофе из высокого картонного стакана и крутил ручку приемника, пытаясь поймать что-нибудь подходящее. В конце концов он остановился на «Старом радио», но приглушил звук.

На заднем сиденье Марк, пролистав какие-то бумаги, извлек газету, нашел в ней нужную статью и приступил:

– Согласно газете «Пост», Служба иммиграции и таможенного контроля располагает пятнадцатью центрами временного содержания по всей стране, в которых ежедневно находится около тридцати пяти тысяч человек. В прошлом году СИТК задержала более четырехсот тысяч человек, работавших без документов, и приблизительно столько же депортировала, причем высылка каждого обошлась в двадцать тысяч долларов. В целом система содержания под стражей подлежащих депортации съедает более двух миллиардов долларов в год. Это самая обширная система подобного рода в мире. В дополнение к пятнадцати центрам содержания, находящимся в ведении СИТК, федералы имеют соглашение с сотней окружных тюрем, с центрами содержания несовершеннолетних и тюрьмами штатов о содержании их «клиентов», которое обходится в примерно полторы сотни долларов в день на каждого или 350 долларов на семью. Две трети всех подобных заведений управляются частными компаниями. Чем больше людей в них содержится, тем больше денег они зарабатывают. Национальная безопасность, которой подчиняется СИТК, располагает квотой, которая выделяется Конгрессом. Ни один другой правоохранительный орган не работает по системе квот.

– И условия содержания там ужасные, – произнесла Зола так, словно знала больше, чем Марк.

– Это правда. Поскольку не существует независимого контроля над этими заведениями, лица, содержащиеся в них, за-

частую подвергаются жестокому обращению, включая долгосрочное одиночное заключение, неоказание должной медицинской помощи и плохое питание. Эти люди беззащитны и уязвимы перед лицом жестокого обращения, даже насилия. В прошлом году сто пятьдесят человек умерли в заточении. Лиц, подлежащих депортации, нередко содержат вместе с опасными преступниками. Во многих случаях им не предоставляют юридической помощи. На бумаге в СИТК существуют официальные стандарты условий содержания, но на самом деле они не обеспечены правовыми санкциями. Эти заведения практически не отчитываются в том, как тратят федеральные средства. Если говорить начистоту, за ними вообще никто не надзирает, и всем на них наплевать, кроме, конечно, самих содержащихся под стражей и их родственников. Это всеми забытые люди.

– Хватит, – прервала его Зола.

– Да, довольно, – поддержал ее Тодд. – Почему мы вообще об этом заговорили?

– А о чем бы ты хотел поговорить? – ответил вопросом на вопрос Марк. – О Горди? О Бренде? О нашей юридической школе? Занятия начинаются через неделю, я жду не дождусь.

На время разговор прервался. Марк листал еще какие-то статьи и мурлыкал себе под нос, подпевая «Старому радио». Наконец он спросил:

– Ну, Зола, а о твоей семье мы можем поговорить?

– Конечно.

– Почему они уехали из Сенегала?

– Мои родители никогда особо не распространялись о своей стране. Они радовались, что находятся вдали от нее, и были полны решимости вести новую жизнь здесь. Становясь старше, я задавала им вопросы, но получала обычно уклончивые ответы. Мой отец работал в чем-то вроде фермерского кооператива, и у него возникли какие-то сложности с руководством. Он нажил себе несколько врагов, потерял работу и счел за лучшее бежать. Его всегда ужасала перспектива возвращения. Большая часть его семьи рассеяна, и на родине его не ждет ничего, кроме неприятностей. Отец боится, что подвергнется преследованиям, если вернется.

– А твои братья?

– Старший, Сори, женился на американке и живет в Калифорнии. Его жена не мусульманка, и поэтому отец не хочет его знать. Младший – мы для краткости зовем его Бо – родился еще в Сенегале, поэтому над ним тоже нависает опасность. Он не женат и очень религиозен.

– Я думал, что политика СИТК состоит в том, чтобы не разделять семьи, – заметил Тодд.

– Возможно, где-то такое и записано, – отозвался Марк, – но на практике никто этому принципу не следует. Вчера вечером я прочел статью о семье из Камеруна – родители с пятерыми детьми жили в квартире в Бронксе. Однажды ночью агенты СИТК высадили дверь, схватили отца и выслали его на пароходе обратно в Африку. У матери тоже нет докумен-

тов, и они с детьми живут в страхе, что и за ней придут. Вы только представьте: дети родились уже здесь, как Зола, поэтому они могут оказаться оторванными от обоих родителей. Когда представителям СИТК задали вопрос об этом, кто-то из них ответил нечто вроде: «В штате Нью-Йорк существует прекрасная система патронажного воспитания». Вы можете в такое поверить?

– Я бы лучше поговорила о Школе, – сказала Зола.

– А я – нет, – сообщил Марк. – Я не могу туда вернуться. Вы что, ребята, собираетесь снова пойти на занятия в понедельник?

– А что *ты* предлагаешь, Марк? – огрызнулась Зола. – Если ты бросишь Школу – потеряешь работу. Нельзя же бросать учебу за один семестр до окончания.

– Работу я получу, только если сдам адвокатский экзамен, что в настоящее время представляется невозможным. Сейчас я недостаточно стабилен умственно и эмоционально, чтобы продираться сквозь дополнительные курсы подготовки к адвокатскому экзамену. А ты, Тодд?

– Меня тошнит при одной мысли об этом.

– До экзамена еще семь месяцев, – заметила Зола.

– И почему мы не можем послать к черту этот семестр на некоторое время? – поинтересовался Тодд.

– Потому что в таком случае акулы-заимодатели съедят нас с потрохами на обед, – ответила Зола. – Как только мы окажемся за пределами Школы, нам придется начать выпла-

чивать долг. Может, какая-то лазейка тут и есть, но сомневаюсь, что нам удастся ее найти.

– Да, на такое везение рассчитывать не приходится.

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом, – предложила Зола.

– Ладно, только вот темы иссякли, – сказал Марк.

Снова последовало долгое молчание, которое опять нарушил Марк:

– Ладно, я должен кое в чем признаться. Когда мы делали уборку в квартире Горди, я нашел возле его компьютера две флэшки и забрал их, полагая, что ни его родителям, ни Бренде они ни к чему. Вчера я просмотрел их и обнаружил нечто, не имеющее отношения к его самоубийству. Он действительно напал на некий след.

– Рэкли?

– Да, но не только. Вы, ребята, следили за скандалом со Свифт-банком?

– Я видела какие-то заголовки, – неуверенно припомнила Зола.

– А я – нет, у меня своих проблем по горло, – ответил Тодд.

– Свифт-банк сегодня занимает девятое место в рейтинге национальных банков по всей стране. Несколько лет назад они из кожи вон лезли, пытаясь обрести репутацию банка, слишком большого, чтобы рухнуть, но федеральные власти сказали – нет. К сожалению, банк не рухнул, а с тех пор до-

бился успехов. Он по уши увяз в мошенничестве с субстандартными ипотечными кредитами¹⁶ и имеет богатую историю афер и коррупции. Это по-настоящему грязная компания, вовлеченная практически во все виды операций недо-рогого сегмента и в то же время тратящая массу средств на рекламу, потому что хочет стать, как говорится, «вашим банком по соседству».

– Да, мы видели их рекламу, – заметил Тодд.

– Отлично. Так вот, Горди думает, точнее, думал, что Рэк-ли владеет существенной частью Свифта. Насколько суще-ственной, он не знал, потому что Рэкли по обычаю действо-вал за спиной подставных компаний, большинство которых являются оффшорными. Эти подставные компании медлен-но и втихую скупали акции Свифта, никогда не превышая пяти процентов на аквизиционные расходы. Как мы знаем, они обязаны регистрироваться в Комиссии по ценным бу-магам и биржам. Горди напал на след трех самостоятель-ных и на первый взгляд не связанных между собой подстав-ных компаний, владеющих в общей сложности двенадцатью процентами Свифта. Их текущая стоимость – около четырех миллиардов, что делает Рэкли самым крупным держателем акций, но это он хотел бы сохранить в тайне.

– Ну да, без шума. И что нам это дает? – поинтересовался Тодд.

¹⁶ Субстандартный ипотечный кредит – кредит, выданный заемщику с нена-дежной или весьма короткой кредитной историей.

– Не уверен, что это нам что-нибудь дает, но чтение занятное, а поскольку у нас нет согласия насчет другой темы для разговора, я просто болтаю о Свифт-банке и Хиндсе Рэк-ли. Есть возражения? Отлично, тогда я продолжу. Около месяца назад Свифт попал на первые полосы газет в связи с очередным скандалом. Здесь нет ничего нового для мошенников, но на этот раз они, вероятно, сами себя перехитрили. Предположим, Тодд, что ты идешь в свое местное отделение Свифта и открываешь там обычный текущий банковский счет. Ты кладешь на него тысячу долларов, получаешь временную чековую книжку, все прекрасно, и тебе очень нравится хорошенькая, супервежливая девушка – менеджер по работе с клиентами. Но как только ты выходишь за дверь, она превращается в гнусную сучку и открывает на твое имя еще несколько счетов: сберегательный счет, или два, депозитный счет денежного рынка¹⁷, оформляет кредитную карту, дебетовую карту¹⁸, а может, и брокерский счет¹⁹. Вместо одного счета в Свифт-банке ты получаешь семь. А она, слав-

¹⁷ Счет, открываемый банками и сберегательными учреждениями в ответ на конкуренцию со стороны акций инвестиционных фондов. По такому счету банки и сберегательные учреждения выплачивают более высокий процент, чем по текущим счетам.

¹⁸ Такая карта позволяет распоряжаться средствами лишь в пределах доступного остатка на лицевом счете (расчетном текущем счете), к которому она привязана.

¹⁹ Счет клиента у брокера, на котором содержатся средства, доверенные клиентом брокеру для проведения им операций с финансовыми инструментами за счет и по поручению клиента.

ная девчушка, получает бонус и похвалу. Ты ничего не знаешь о шести своих других счетах, но старый добрый Свифт сдирает с тебя несколько дополнительных долларов каждый месяц в виде платы за обслуживание таинственных счетов.

– Откуда это известно?

– От нее же. Оказалось, что всех менеджеров по работе с клиентами, от побережья до побережья, в Свифте учат бесчестным методам навязывать клиентам дополнительные, ненужные им счета, а если те отказываются, то все равно открывают эти дополнительные счета. Миллионы счетов. Вот твоя знакомая девушка и несколько других и дали сигнал тревоги. Они утверждали, что на них оказывали невыносимое давление с самого верха, заставляя открывать ненужные клиентам счета. Теперь весь банк трясут как грушу, и на следующей неделе состоятся слушания в Конгрессе по данному поводу.

– Надеюсь, все это правда, хотя бы из-за Рэкли, – заметил Тодд.

– И будет судебный процесс? – спросила Зола.

– Конечно. Адвокаты истцов пребывают в страшном ажиотаже. Уже подано два коллективных иска, ожидаются и другие. Пострадавших может быть около миллиона.

– Жаль, что у меня деньги не в Свифте, – сказал Тодд. – С удовольствием вставил бы фитиль этому гаду.

– Он и так глубоко вонзил в нас свои когти.

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом, – попросила

Зола.

Глава 10

Бардтаунский федеральный центр временного содержания находился в изолированной долине, в трех милях от федеральной автострады 99 и в двадцати милях от Алтуны. Если поблизости и имелся какой-то городок, то его не было видно. Ведущая к нему дорога была широкой, асфальтированной и шла под уклон, это открывало подъезжающим панорамный вид на заведение. Перед ними простирался комплекс похожих на коробки зданий с плоскими крышами, очень напоминающих школьные автоприцепы, которыми пользуются в школах с большим количеством учеников. Двойная линия высокого сетчатого забора огораживала выстроенные рядами здания аккуратным квадратом. Поверху была пропущена широкая спираль из колючей проволоки, придававшая всему заведению зловещий вид тюрьмы.

Притормаживая машину, Тодд произнес:

– Похоже на старые черно-белые изображения Освенцима.

– Спасибо, Тодд, – поблагодарила Зола.

Место производило гнетущее впечатление, и Зола не могла сдержать своих чувств. Когда Тодд въезжал на усыпанную гравием стоянку, она плакала. Несколько минут они сидели в машине, глядя на двухэтажное здание впереди – очевидно, в нем им следовало отметиться. Оно тоже имело плос-

кую крышу и казалось сделанным из облицовочных щитов. Вообще создавалось впечатление, что все это построено за один день.

– Ну, пошли, – сказала наконец Зола, и они направились к входной двери. Временная табличка рядом с ней гласила: «Бардтаунский ФЦВС²⁰ СИТК. Отдел по содержанию и депортации МВБ²¹. Административное здание».

Глядя на табличку, Тодд пробормотал:

– Какой-то суп из букв.

На что Марк заметил:

– Надеюсь, им известно также и что такое АСЗГС²².

Войдя в дверь, они оказались в просторном холле. Никаких указателей здесь не было, поэтому Марк остановил полного молодого человека в форме.

– Простите, сэр, а где здесь место приема посетителей?

– Какого рода посетителей?

– Ну, мы бы хотели поговорить с одним из ваших обитателей.

– Они называются задержанными.

– Хорошо, мы бы хотели повидаться с одним из ваших задержанных.

Молодой человек нехотя указал на коридор и пояснил:

²⁰ Федеральный центр временного содержания.

²¹ Министерство внутренней безопасности.

²² Американский союз защиты гражданских свобод (*англ.* American Civil Liberties Union, ACLU).

– Поищите там.

– Большое спасибо.

Они двинулись по широкому коридору, озираясь в поисках указателя, который помог бы определить, какова процедура посещений. Как во всяком федеральном учреждении, здесь было множество служащих в разных униформах. Крепкие молодые люди, важно расхаживавшие с пистолетами на поясе и написанной крупными буквами на спинках курток аббревиатурой СИТК. Клерки в белых рубашках с галстуками и с вышитыми золотыми нитками эмблемами на карманах. Полицейские, выглядевшие как типичные сельские помощники шерифа.

Друзья подошли к стойке, за которой сидели три женщины. Одна перекладывала какие-то бумаги, две другие наслаждались перекусом.

– Простите, я приехала повидать своих родителей, – обратилась к ним Зола.

– А кто ваши родители? – поинтересовалась та, которая занималась бумагами.

– Их фамилия Маал. Отца зовут Абду, маму – Фанта. Маал.

– Откуда они?

– Они из Нью-Джерси, но родом из Сенегала. Их увезли вчера.

– А! Так они задержанные?

Марк прикусил язык, чтобы не выкрикнуть: «Конечно,

они задержанные, иначе зачем бы мы сюда притащились?!», но посмотрел на Тодда и сдержался.

– Да, – вежливо ответила Зола.

– У вас есть разрешение на свидание?

– Э-э... Нет, но мы ехали на машине два часа, чтобы по-видаться с ними.

Сотрудница, занимавшаяся бумагами, покачала головой. Одна из двух перекусывавших отложила свое шоколадное пирожное и застучала по клавишам, другая, белая женщина постарше, сообщила:

– Они еще не оформлены.

Судя по интонации, предполагалось, что разговор на этом закончен.

– Хорошо, тогда, пожалуйста, оформите их, – попросила Зола.

– Это будет сделано в свое время, а пока вы не можете встретиться с ними.

– Вы, наверное, шутите? – спросила Зола.

– Мне очень жаль, – без малейшего намека на сочувствие ответила сотрудница.

– А как же вы можете держать их здесь, если они не оформлены? – осведомилась Зола.

Сотрудница номер один, чернокожая женщина средних лет, презрительно посмотрела на нее, словно с удовольствием поставила бы ее на место, и твердо объявила:

– У нас свои правила.

Марк и Тодд двинулись к стойке. На Тодде были джинсы, кроссовки и старая кожаная куртка. Марк в этот раз был одет чуть лучше – в брюки цвета хаки, походные ботинки и утепленную куртку. Тодд кивнул Марку, и тот, склонившись над стойкой, громко произнес:

– Послушайте, я ее адвокат. Она американская гражданка и имеет право повидаться со своими родителями. Мы ехали сюда два часа, и вы не можете отказать ей в свидании. Ее родителей и брата увезли вчера и собираются выслать обратно в Африку. Она может больше никогда их не увидеть.

Третья служащая перестала жевать, вторая – стучать по клавишам, первая отпрянула назад и сдавленно проговорила:

– Боюсь, вам придется побеседовать с инспектором.

– Прекрасно! – воскликнул Марк. – Давайте его сюда!

Повышенные голоса привлекли внимание, и к ним подошли два агента СИТК. Один из них, Гибсон, как значилось на жетоне, спросил:

– Какие-то проблемы?

– Да, проблемы, черт возьми! – рявкнул Марк. – Моя клиентка приехала из самого Вашингтона, чтобы повидаться со своими родственниками в последний раз, перед тем как их депортируют в Сенегал. А нам заявляют, что она не может этого сделать из-за какой-то канцелярской волокиты.

Охранники посмотрели на женщин за стойкой. Первая сказала:

– Вы ведь знаете правила. Никаких посетителей, пока задержанные не будут оформлены.

Гибсон перевел взгляд обратно на Марка:

– Ну, вот видите. Правила есть правила.

– Могу я повидаться с инспектором? – громко и решительно спросил Марк.

– Вы можете прекратить орать, вот что вы можете, – сообщил агент и сделал шаг навстречу Марку, готовый применить силу. Еще два агента подтянулись ближе, чтобы оказать поддержку коллеге.

– Просто дайте мне поговорить с инспектором, – повторил Марк.

– Мне не нравится ваш тон, – сказал Гибсон.

– А мне – ваш. И при чем тут тон? Почему вы не можете позволить моей клиентке встретиться с семьей? Черт, их же скоро депортируют. Она может больше никогда в жизни их не увидеть.

– Если их собираются депортировать, значит, так решил судья. А если вам его решение не нравится, идите и поговорите с ним.

– Вот теперь, когда вы упомянули судью, вы вступили в мою игру. Завтра утром я первым делом подам на вас иск в федеральный суд. Как ваше имя, Гибсон? – Марк шагнул к нему и уставился на жетон. – Эм Гибсон. Могу я узнать, как расшифровывается это «Эм»?

– Моррис.

– Отлично, Моррис Гибсон. Тодд, запиши.

Тодд достал ручку, взял со стойки лист бумаги и записал.

Марк посмотрел на другого агента СИТК и спросил:

– А ваше имя?

– Для чего вам знать мое имя? – самодовольно ухмыльнулся агент.

– Для судебного иска, сэр, я не могу подать иск против вас, не зная вашего имени.

– Джерри Данлап.

Марк резко развернулся и уставился на трех женщин за стойкой, которые, казалось, окаменели.

– Ваше имя? – рявкнул он первой из них.

Она опустила глаза на бейдж, приколотый к ее левому карману, словно хотела проверить себя, и ответила:

– Филлис Браун.

Тодд записал и ее имя.

– А ваше? – обратился Марк ко второй женщине.

– Дебби Акенбург.

– По буквам, пожалуйста, – попросил Тодд.

Женщина продиктовала свою фамилию по буквам. Марк перевел взгляд на третью служащую.

– А ваше?

С дрожью в голосе та тихо ответила:

– Кэрол Мотт.

Обернувшись, Марк заметил, что еще четыре агента СИТК наблюдают за дискуссией, и поинтересовался:

– Кто-нибудь из вас, ребята, желает поучаствовать? Первым делом завтра утром я подам иск в федеральный суд. Вам придется нанять адвокатов, минимум по одному на каждого, и я сделаю так, что суд растянется на следующие два года. Ну, есть желающие?

Четверка дружно, в ногу, отступила назад.

Мужчина в гражданском костюме обогнул стойку и сердито спросил:

– Что, черт возьми, здесь происходит?

Марк шагнул ему навстречу и громко произнес:

– Я выясняю имена ваших сотрудников для федерального судебного иска. Вы инспектор?

– Да, – гордо ответил мужчина.

– Прекрасно. Ваше имя?

– Какого черта? Кто вы такой?

– Марк Фрейзер из вашингтонской фирмы «Несс Скелтон». Я адвокат Золы Маал, вот этой дамы. Мы приехали из округа Колумбия, чтобы она повидалась со своей семьей. Она американская гражданка и имеет право встретиться с родными, прежде чем их депортируют. Ваше имя, будьте любезны.

– Джордж Маклуэйн.

– Благодарю. И вы здесь главный начальник?

– Да.

Тодд продолжал записывать имена. Марк выхватил из кармана мобильник и сделал вид, будто кому-то звонит, а

потом, не сводя глаз с Маклуэйна, произнес:

– Привет, Келли, это Марк. Соедини меня с Кинси из отдела судебных тяжб, немедленно. Скажи, что дело не терпит отлагательств. – Пауза. – Мне наплевать, что он на совещании. Позови его сейчас же! – Еще одна, более долгая пауза, во время которой Марк подошел к третьему агенту СИТК, стоявшему ближе других, и гаркнул Тодду через его плечо: – Добавь к списку Тэ Уотсона. – Потом, обращаясь к агенту, спросил: – Тэ – это что означает?

Уотсон испуганно огляделся вокруг и перенес вес тела с одной ноги на другую.

– Ну же, мистер Уотсон, вы не знаете своего имени?

– Трэвис.

– Молодец. Добавь к списку Трэвиса Уотсона.

Тодд записал. Зола сделала шаг назад, подальше от Уотсона. Вернувшись к телефонному разговору, Марк продолжил:

– Да, Кинси, слушай: я нахожусь в Бардтаунском центре временного содержания, здесь нашей клиентке отказывают в праве повидать свою семью. Я хочу, чтобы ты срочно подготовил иск и подал его как можно скорей. Диктую тебе имена ответчиков. – Он снова сделал паузу, якобы слушая, что ему отвечают. – Правильно. Начни с внутренней безопасности и СИТК и добавь имена... подожди секунду... – Он указал на трех женщин-служащих, трех агентов СИТК и Маклуэйна, – ...семи из них персонально. – Взглянув на остальных агентов, он уточнил: – Никто из вас не желает присоединиться? –

Те отступили еще дальше. – Кажется, нет. Хорошо. Сделай все побыстрее, Кинси. – Опять пауза. Гибсон и Уотсон испуганно зыркнули на Маклуэйна. Женщины стояли, в страхе вытаращив глаза и боясь пошевелиться. Вернувшись снова к телефонному разговору, Марк добавил: – Отлично! Отправь иск сегодня же по Интернету. Восточный округ Пенсильвании, федеральный суд. И проследи, чтобы судьей был назначен Бакстер. Уж он выдаст им по полной. Перезвони мне через десять минут.

Марк дал отбой и, положив телефон в карман, обратился к Маклуэйну:

– Я предъявлю каждому из вас персонально иск за материальный ущерб, и когда я зарегистрирую иски в суде, получу судебный приказ о наложении ареста на ваши зарплаты и ваши дома. – Развернувшись, он рявкнул Тодду: – Дай мне список.

Зола и Тодд последовали за ним к стульям, расставленным вдоль стены, сели, а Марк снова достал телефон. Держа перед глазами список Тодда, он продиктовал неизвестно кому семь имен.

Наконец Маклуэйн заставил себя пошевелиться. Он сделал глубокий вдох, длинный выдох, подошел к ним и с деланой улыбкой произнес:

– Послушайте, может, мы сами как-нибудь сумеем решить эту проблему?

Двадцать минут спустя агент Гибсон завел их в маленькую комнату в глубине административного здания и велел ждать. Когда они остались одни, Тодд сказал:

– Ты чокнутый, Марк, ты это знаешь?

– Но ведь сработало же, – отозвался Марк с самодовольной ухмылкой.

Зола сдавленно хихикнула:

– Не хотела бы я, чтобы ты возбудил дело против меня.

– Кому она нужна, эта лицензия на адвокатскую практику?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.